

Роальд Мандельштам
СТИХОТВОРЕНИЯ

Рюальд Манделыштам

СТИХОТВОРЕНИЯ

Издательство «ВОДОЛЕЙ»
ТОМСК — 1997

ББК 84.Р
М23

Учредитель издательства «Водолей» —
Томская областная научная библиотека им. А. С. Пушкина

В оформлении использована работа О. Розановой,
портрет поэта работы Шолома Шварца, фотографии

Издание подготовлено при участии журнала «Арахна»

М23 **Мандельштам Р.** Стихотворения. — Томск: Издательство «Водолей», 1997. — 192 с.

Роальд Мандельштам (1932-1961) — замечательный поэт ленинградского андеграунда 50-х годов. Его поколение, на десять лет старше поколения «шестидесятников», соответственно на десять лет раньше оказалось за пределами «официальной» литературы. Стихи поэта расходились в списках и многочисленных машинописных копиях.

Настоящее издание — первая попытка собрать в одном томе большую часть творческого наследия Роальда Мандельштама.

Главный редактор Е. Кольчужкин

Роальд Мандельштам. Стихотворения

Сдано в набор 17.01.97. Подписано в печать 04.03.97.
Формат 84x108¹/₃₂. Гарнитура Балтика. Печать офсетная.
Печ. л. 6. Условн. печ. л. 10,08. Уч. + изд. л. 11,76.
Тираж 1000. Заказ № 132

Лицензия ЛР № 070405 от 9 марта 1992 г.
Издательство «Водолей», 634000, пер. Батенькова, 1

Отпечатано с оригинал + макета, подготовленного
издательством «Водолей»

Сибирское издательско-полиграфическое
и книготорговое предприятие «Наука» ✓
630077, Новосибирск + 77, ул. Станиславского, 25

М 4700000000 без объявл. ISBN 5—7137—0074—7
M46(03) — 97

- © Бараш О., предисловие 1997
© Крестовиковский А., Бараш О., составление 1997
© Издательство «Водолей», оформление 1997

ПРЕДИСЛОВИЕ

Жизнь Роальда Мандельштама (1932—1961) полностью укладывается в рамки хрестоматийного представления о биографии божественного поэта из тех, кого называют «проклятыми». Бедность, неприкаянность, нищее жилище, «трудная» любовь, дружба с художниками, туберкулез, пристрастие к морфию — и стихи как смысл и образ жизни.

Романтический ореол, окружающий такую биографию, правда, несколько меркнет, если место действия — не абстрактно-легендарный Париж XIX века, а Ленинград 1940—1950-х годов, «репрессии (коснувшиеся родных и близких друзей), война и блокада, бездомность и коммунальный быт, голод и болезни...» (Ю. Новиков, предисловие к книге Р. Мандельштама «Алый трамвай», СПб., 1994). В таком контексте жизнь Р. Мандельштама попадает в другой ряд: миллионы судеб советских людей, переживших то же или почти то же самое. И все же имя Роальда Мандельштама окружено ореолом легенды.

Роальд Мандельштам родился в Ленинграде в 1932. Мальчиком пережил блокаду. После войны разыскал мать, находившуюся в эвакуации в Краснодарском крае, вернулся вместе с ней в Ленинград. Жил в коммунальной квартире на Садовой улице, сначала с матерью и сестрой, потом один. Несколько раз поступал в вузы — в Университет, в Политехнический — но вынужден был бросать из-за болезней, которых было множество: астма, туберкулез легких, затем костный туберкулез. «После того, как заболел костным туберкулезом, получил инвалидность. Пенсию ему не дали... В среднем его доход составлял тридцать рублей в месяц. Так он просуществовал одиннадцать лет. Умер от истощения и болезней». (Фаина Косс. Роальд Мандельштам. В кн.: Ленинградский андеграунд. Начало. Л., 1990. С. 59).

Красивый, обаятельный юноша, черноволосый, с тонкими чертами лица, по характеру общительный и остроумный, имеющий успех у женщин, в то же время желчный и язвительный — таким помнят его друзья и знакомые.

Его ближайшими друзьями были ленинградские художники-нонконформисты — Александр Арефьев, Владимир Шагин, Рихард Васми, Шолом Шварц, Валентин Громов, Родион Гудзенко. В их кругу он был единственным поэтом. Эта дружба нашла отражение в его творчестве, в ряде стихотворений, посвященных друзьям; что касается художников, то поэтический мир Роальда Мандельштама, по

словам Н. Подольского, оказывал и продолжает оказывать на них влияние.

В жизни Роальда Мандельштама было много трагическое. О двух эпизодах, которые сделали бы честь биографии любого «проклятого» поэта, вспоминает петербургский писатель Наль Подольский: «Время было не только глухое, но и лихое. В окружении Роальда был художник Преловский, постоянно изводивший друзей жалобами на жизнь и угрозами покончить с собой. Мандельштам и Арефьев поспорили с ним, уверенные, что он этого не сделает. А он взял и повесился — настоял все-таки на своем. Так появилось стихотворение «Дом повешенного».

В 1952 году Роальд Мандельштам лежал в больнице, с открытой формой туберкулеза, в очень тяжелом состоянии... На другой день в справочном бюро больницы друзьям сказали, что больной Мандельштам умер, но тела в морге не оказалось. Потерялось куда-то. Пришлось побегать по инстанциям, вплоть до главного врача, пока не выяснилось, что произошла мелкая канцелярская ошибка и Алик жив» (Н. Подольский. Серебряный корвет. Рукопись).

В его творчестве отчетливо прослеживаются влияния поэтов Серебряного века — тут и Блок, и Гумилев, и Анненский, и Брюсов, и футуристы. Однако эти влияния представляются не просто признаком недостаточной поэтической зрелости молодого человека, ищущего собственный голос. Также постоянные отсылки к античности и средневековью, сочинение «альб» и «сирвент», «прогулки по музеям» и «библиотекам» (с ударением на третьем слоге!) — нечто большее, чем свидетельство о начитанности «книжного мальчика». Все это скорее можно рассматривать даже не как «тоску по мировой культуре», а как сознательное декларирование своей принадлежности к ней. Как знак обособленности поэта от советской культурной жизни 50-х годов, его враждебности ей, выступает также один из центральных образов его поэзии — образ поэта-рыцаря, выходящего на бой с постылым окружением, «неистового скальда» или «менестреля», воспевающего свою «прекрасную даму» и прекрасный город, окрашенный в веселые геральдические цвета — золотой, синий и алый, — город, увиденный поэтом сквозь дожди, туманы и серые камни современного ему Ленинграда.

Стихи Роальда Мандельштама неравноценны по своим поэтическим достоинствам. Наряду с блестяще отделанными

стихотворениями мы находим тексты откровенно неудачные: целиком подражательные или просто «сырые». Часто поэт попросту не считал нужным отделять свои стихотворения, не предназначенные для печати. Однако, по свидетельству дружившего с ним петербургского художника Р. Р. Васми, поэт пытался некоторым образом «упорядочить» свое творчество, объединяя стихотворения в циклы. Правда, эта работа не была им завершена: предполагаемые циклы стихотворений «Алые трамваи», «Песни ночного города», «Ритмы», «Лунные зайцы», «Любовь поэта», «Предвестники утра» так и не были собраны, хотя придуманные Р. Мандельштамом названия отражают основную тематику его творчества в целом.

При жизни поэта из его стихотворений не было опубликовано ни строчки. Однако то, что Р. Мандельштам никогда не стремился публиковать свои произведения, по словам Р.Р.Васми, является легендой. Напротив, ряд стихотворений был написан им специально для публикации в советских изданиях; они немногочисленны: «Пионер», «Едущим на целину», «Трилогия пустыни», неоконченная поэма «Спартак». Разумеется, опубликованы они не были: «чуждая» поэтика в них превалировала над «правильной» идеологией. (По просьбе друзей поэта мы не включаем эти стихотворения в данную книгу).

За исключением этих сугубо «конъюнктурных» стихотворений и явно черновых набросков, мы считаем целесообразной публикацию всех доступных нам текстов поэта. Такая публикация не только откроет еще одну малоизвестную страницу русской, в частности, петербургской, поэзии XX века, но и позволит составить более или менее полное представление об уникальном поэтическом и социокультурном явлении «глухих» 50-х годов — рано умершем талантливым поэте с именем, как бы сошедшем с книжных страниц: Роальда Мандельштам.

Ольга БАРАШ

АЛЫЙ ТРАМВАЙ

Сон оборвался. Не кончен.
Хохот и каменный лай.
В звездную изморозь ночи
Выброшен алый трамвай.

Пара пустых коридоров
Мчится один за другим.
В каждом — двойник командора, —
Холод гранитной ноги.

— Кто тут?
— Кондуктор могилы!
Молния взгляда черна.
Синее горло сдавила
Цепь золотого руна.

— Где я? (Кондуктор хохочет).
— Что это? Ад или рай?
— В звездную изморозь ночи —
Выброшен алый трамвай!

Кто остановит вагоны?
Нас закружило кольцо.
Мертвой чугунной вороной
Ветер ударит в лицо.

Лопнул, как медная бочка,
Неба пылающий край.
В звездную изморозь ночи
Выброшен алый трамвай!

НОКТЮРН

Дремучий ветер охватил
Наш край, где площади, как ступы —
И молча трупы золотил —
Луны тускнеющие трупы.

И шелест крыл от птичьих стай,
И на знакомые ограды,

Кружась, летит вороний грай,
Как черный призрак снегопада.

А как ревут колокола,
Их рвет предсмертной, медной рвотой,
Как будто дохнут на колах
У острых звонниц — бегемоты.

Сквозь эту боль и этот стон
Зову друзей — их рук коснуться б! —
Ведь это только страшный сон,
Ведь я могу еще проснуться.

* * *

У неловко остриженной кроны
Абордажные крючья — суки.
Меднорыжие, с шерстью зеленой
В смертной битве сошлись пауки.

И трубач ни о чем не жалеет.
Лунный рог — беззаботный сигнал:
Будет ночь! — облака, тяжелея,
Улеглись в маслянистый канал.

* * *

— Почему у вас улыбки мумий,
И глаза как мертвый водоем?
— Пепельные кондоры раздумий
Поселились в городе моем.

— Почему бы не скрипеть воротам?
— Некому их тронуть, уходя:
Золотые метлы пулеметов
Подмели народ на площадях.

ЗОЛОТОЕ РУНО

Я — варвар, рожденный в тоскующем завтра,
Под небом, похожим на дамский зонт.
Но помню былое: плывут аргонавты,
Под килем рыдает взволнованный Понт.

И мир, околдованный песней Орфея,
Прозрачен до самого дна,
И дремлет, как сказочно — добрая фея,
Влюбленная в песнь колдуна.

И в час неизвестный на берег покатый
Любви приходили помочь
Прекрасная, злая, больная Геката
И чудная царская дочь.

Усталое море спокойно и сонно,
Храпит на седых валунах —
Так спи же: не будет второго Ясона,
Как нет золотого руна!

* * *

На заре в оперенье Жар — птицы
Облаков золотая орда —
Наши окна темны, как бойницы,
Неприступнее скал — города.

(Где по скверам гнездятся вороны)
Не пестрят цветниками надежд,
Но весна опустила на кроны,
Словно прозелень древних одежд.

Пусть ее — одинокую птицу —
Умножают рядами зеркал,
Наши окна темны, как бойницы,
В городах — неприступнее скал.

* * *

Наше небо — ночная фиалка,
 Синевой осенившая дом —
 Вьется полночь серебряной галкой
 У моста над чугунным ребром.

Наши тучи теплы, как перины,
 Эта скука — удел городам...
 Листопад золотой балериной
 Дни и ночи летит по садам.

Наши люди забыли о чести,
 Полюбили дешевый уют,
 И, мечтая о призрачной мести,
 Наши дети угрюмо растут.

.....
 — Вы сегодня совсем как бараны,
 Дураки, подлецы, наркоманы.

* * *

Мы терпением набиты,
 Молчаливы до поры,
 Будто крысы неолита
 В свалке каменных корыт.
 В сердце — холод, в мыслях — ступор,
 Нет девиза на щите...
 Наверху — домов уступы,
 Снизу — ступы площадей.
 — Встанешь? Крикнешь? —
 Лишь захочешь —
 Как орешья скорлупа,
 Под пестом чугунной ночи
 Разлетятся черепа.
 Не раздуть в гремящий пламень
 Угли тлеющей зари!
 Мы живем, вгрызаясь в камень,
 Извиваясь, как угри —
 Только крысы неолита
 В свалке каменных корыт
 Так терпением набиты,
 Молчаливы до поры!

ЗАКЛЯТИЕ ВЕТРА

Свет ли лунный навеял грезы,
Сон ли горький тяжел, как дым —
Плачет небо, роняя звезды
В спящий город, его сады.

Ночь застыла на черных лужах,
Тьма нависла на лунный гвоздь —
Ветер скован осенней стужей,
Ветер, ветер — желанный гость!

Бросься, ветер, в глаза каналам,
Сдуй повсюду седую пыль,
Хилым кленам, что в ночь стонали,
Новой сказкой пригрезив быть.

Сморщи, ветер, литые волны,
Взвей полночи больную сонь,
Пасти комнат собой наполни —
Дай несчастным весенний сон.

Серым людям, не ждущим счастья,
Бедным теням, забывшим смех —
Хохот бури, восторг ненастья,
Души слабых — одень в доспех.

Ветер, ветер, ночная птица!
Бей в литавры снесенных крыш —
Дай нам крылья, чтоб вдаль стремиться,
В брызги — громы взрывая тишь!

КАЧАНИЯ ФОНАРЕЙ

Белый круг ночных эмалей,
Проржавевший от бессонниц
И простудного томленья
Перламутровой луны,

Плыл, качаясь, в желтом ветре
И крылом летучей мыши
Затыкал глазницы дому:
Темнота весенних крыш!

За окном рябые лужи,
Запах лестницы и кошек
(Был серебряный булыжник
В золотистых фонарях).

А за стенкой кто — то, пьяный,
В зимней шапке и галошах,
Тыкал в клавиши роялю
И смеялся.

* * *

Розами громадными увяло
Неба неостывшее литье.
Вечер,
Догорая у канала,
Медленно впадает в забытье.
Ни звезды,

Ни облака,

Ни звука —

В бледном, как страдание окне.
Вытянув тоскующие руки,
Колокольни бредят о луне.

* * *

Розами громадными увяло
Неба неостывшее литье.
Вечер, догорая за каналом
Медленно впадает в забытье.

Ярче глаз под спущенным забралом
Сквозь ограды плещет листопад —
Ночь идет, как мамонт Гасдрубала —
Звездоносный плещется наряд.

Что молчат испуганные птицы?
Чьи лучи скрестились над водой?
— В дымном небе плавают зарницы,
Третий Рим застыл перед бедой.

Спят одни, другие, словно тени,
Позабыли прежние пути.
И стоят, шафранные колени
В золотые лужи опустив.

* * *

Хрупкая стеклянная солома,
Сноп дождей под серой дамбой дома!
Меркли звезды, близилась заря: —
Для нее ковали метрономы
Белые печочки серебра.

Таяло:
Безоблачно и сыро.
За окном, блестящим, как слюда,
Граждане заботились о мире,
Проклиная войны навсегда.

Таяло:
Морозило —
Увяло —
Неба неостывшее литье,
Вечер, догорая над каналом
Медленно впадает в забвенье.

Гаснут волны в отблесках оконных,
Превращаясь в темное стекло —
— Сколько лодок вы качали, волны?
— Сколько туч над вами пронеслось?
— Сколько звезд сегодня распустилось
На багряном стяге облаков?
— Сколько мыслей в мире зародилось?
— Сколько новых выросло цветов?

Кто сочтет? И ни к чему все это!
Ведь цветы для счета не цветут.
Город спит — его морские ветры
Мокрыми метелками метут.

Ночь, спеши! Близка твоя кончина.
В серой коридорной глубине —

Под крылом у мысли — исполина
Космонавты бредят о луне.

20.9.54

NOTTURNO 1

У луны фарфоровые плечи
Под цветущим огненным зонтом,
И звезда, покинувшая вече,
К ним приникла посиневшим ртом.

Как блуждают матовые руки
По шелкам туманных кимоно!
У луны неведомою мукой
Тело золоченое полно.

О Луна! Луна — неосторожна.
В тихой страсти мертвенно — бела,
Вся дрожит серебряною дрожью,
Все поют ее колокола.

* * *

Звонко вычеканив звезды
Шагом черных лошадей,
Ночь проходит *maestoso*
По тарелкам площадей.

Над рыдающим оркестром,
Над почившим в бозе днем
Фалды черного маэстро
Вороненым вороньем.

И черней, чем души мавров,
Если есть у них душа,
В тротуары, как в литавры,
Марш просыпался, шурша.

НОВАЯ ГОЛЛАНДИЯ

Запах камней и металла,
Острый, как волчьи клыки,
— помнишь? —

В изгибе канала
Призрак забытой руки,
— видишь?

Деревья на крыши
Позднее золото льют.
В Новой Голландии —
— слышишь?

Карлики листья куют.

И, листопад принимая
В чаши своих площадей,
Город лежит, как Даная,
В золотоносном дожде.

<НОВАЯ ГОЛЛАНДИЯ>

Запах камней и металла
Острый, как волчьи клыки —
— помнишь?

В изгибе канала
Призрак забытой руки —
— видишь?

Деревья на крыши
Позднее золото льют.
В Новой Голландии —
— слышишь?

Карлики листья куют...
— Карлы куют...

До рассвета
В сети осенних тенет
Мы находили букеты
Темных ганзейских монет.

* * *

— Эль — Дорадо!
— Эль — Дорадо!
Неужели ты не рада
Звонким жертвам листопада,
Ярким трупикам дорад?

— За ограды!
— За ограды!
Рвутся мертвые дорады.
— Эль — Дорадо!
— Эль — Дорадо!

В клетках бьется листопад!

* * *

Так не крадутся воры —
Звонкий ступает конь —
Это расправил город
Каменную ладонь.

Двинул гранитной грудью
И отошел ко сну...
Талая ночь. Безлюдье.
В городе ждут весну.

— Хочешь, уйдем, знакомясь,
В тысячу разных мест,
Белые копыта звонниц
Сломим о край небес.

Нам ли копить тревоги,
Жить и не жить, дрожа —
— Встанем среди дороги,
Сжав черенок ножа!..

БОР

Вечер входит в сырые дворы,
Разодетый пестрей петуха,
Но не в тучи закатной поры —
В серебристо — цветные меха.

Он приходит в темнеющий сад,
Попросить у поникших ветвей:
— Дай мне золота, ты, Листопад,
На мониста подруге моей.

Только с ношей ему не уйти,
Перерезав дорогу ему,
Я стою у него на пути,
Все сокровища я отниму.

И монеты из желтой листвы,
И роскошную шубу из туч —
Угрожающим светом блеснит
Из — за пояса вырванный луч.

ПАССАКАЛЬЯ

*«Утонув в серебристых туманах,
Дремлет город, пылает закат —
Так мерцает на дне океана
Золотой электрический скат...»*

Ночь легионы
Снов выводила.
Ночь приносила петь
Медное било —
Тяжелое било —
Лун колокольную медь.

Каменный город —
Дно океана —
Красные зори,
Синие раны —
Спящих баюкает ветер —
Ветер за спящих в ответе.

В пуговицах ночи —
Звезд перламутры,
Ветер хохочет —
Близится утро.
Падают листья
В шорох овацій —
Желтые листья
Галлюцинаций.

* * *

Стихло закатное небо,
Я на закате стих,
Не была — настоящая небыль,
Вечер, как белый стих.

Кошки глаза метали
В звездную пуантель, —
Звонко зрочки слетали,
Бито звеня в панель.

* * *

Вечерами в застывших улицах
От наскучивших мыслей вдали.
Я люблю, как навстречу щурятся
Близорукие фонари.

По деревьям садов заснеженных,
По сугробам сырых дворов
Бродят тени, такие нежные,
Так похожие на воров.

Я уйду в переулки синие,
Чтобы вечер приник к виску,
В синий вечер, на крыши синие
Я заброшу свою тоску.

Если умерло все бескрайнее
На обломках забытых слов,

Право, лучше звонки трамвайные
Измельчавших колоколов.

февраль 1954

КОЛОКОЛЬНЫЙ ЗВОН

(Звон колоколов Никольского собора)

Лунный колокол бьет неумолчно,
И в урочные видно часы,
Как танцует над куполом ночи
Золотой колокольный язык.

Отупевший от страшного звона,
Обезумевший ветер кричит,
Что на небо приклеен червонец
Или бронзовый греческий щит.

И при розовом блеске зарницы
Булавами изогнутых шей
Бьют громадные медные птицы
В барабаны оглохших ушей.

* * *

Ковшом Медведицы отчерпнут,
Скатился с неба лунный серп.
Как ярк серп луны ущербной
И как велик ее ущерб!

На медных досках тротуаров
Шурша, разлегся лунный шелк,
Пятнист от лунного отвара,
От лихорадки лунной желт.

Мой шаг, тяжелый, как раздумье
Безглазых лбов, безлобых лиц,
На площадях давил глазуню
Из луж и ламповых яиц.

— Лети, Луна! Плети свой кокон,
Седая вечность — шелкопряд —
Пока темны колодцы окон,
О нас нигде не говорят.

* * *

Ковшом Медведицы зачерпнут,
Скатился с неба лунный серп.
Как ярк серп луны ущербной
И как велик ее ущерб!

На медных досках тротуаров
Шурша, разлегся лунный шелк,
Пятнист от лунного отвара,
От лихорадки лунной желт.

Мой шаг, тяжелый, как раздумье
Безглазых лбов, безлобых лиц,
На площадях давил глазунью
Из луж и ламповых яиц.

Пускай темны глазницы окон,
И обо мне не говорят!
— Лети, Луна! Плети свой кокон,
Седое время — шелкопряд —

Мороз от ног отщиплет пальцы —
Добыча верная в ночах!
Идут!
Они — неандертальцы,
А я — копьё на их плечах.

Идут, идут — отлично спелись
Под шорох туч и ветра свист:
— Какая ночь! — Археоптерикс —
Не час полуночи навис.

Не сны — сырые груды щебня,
Где чудом — треск горящих щеп...
— Пусть ярк рог луны ущербной —
Но как велик ее ущерб!

* * *

Если луна, чуть жива,
Блекнет в раме оконной —
Утро плетет кружева —
Тени балконов.

Небо приходит ко мне,
Мысли его стрекозы;
Значит, цвести войне
Алой и Белой Розы.

Значит, конец фонарям,
Что им грустить, качаясь, —
Льется на мир заря
Золотом крепкого чая.

* * *

В небе идет война
Алой и Белой розы —
Сохнут в ее огнях
Звезды и ламп слезы.
Красной квадриги
Путь нескончаем —
Золотом встала заря.
В красном золоте крепкого чая —
Таять сахарным фонарям!
— Кань, исчезни!
Значит,
не место
Город стенанием омрачать:
Если Пьеро потерял невесту —
Бедный Пьеро обречен молчать...
Девочка спит в голубом шез-лонге,
Но — конец — голубой — глуши!
— Снова строится.
Альба — Лонга
В Риме
моей
души.
Пусть недовольные
ропщут глухо,

И мимолетно счастье мое,
Я не пожертвую Индии духа
Телом Эллады — мифом ее.

* * *

Облака, облака... за окошком,
Распухая на западе алом,
Проплывают, как дохлые кошки,
В плесневеющей флегме каналов...

Среди белых, пятнистых и рыжих
Полусгнивших линяющих шкур
Закатился за дальние крыши
Догорающий вечер — окурочок.

Ископаемым городом — лесом,
Мезозоем, обуглившим воздух,
Задушило в болотном компрессе
Наши песни об утренних звездах.

И о небе, смелее и лучше
Заставляющем с ветреной выси
Кувыркаться багровые тучи,
Как больших окровавленных рысей.

Чтобы утром сияющей стаей
Ты могла собирать их у окон
И дарить снеговым горностаям
Золотой иронический локон.

А теперь даже мокрые ветры
Словно вымерли в городе хмуром.
Облака,
Облака беспросветны:
Только шкуры —
· раздутые шкуры.

Только ждем, не вернутся ли птицы,
И сидим, розовея макушкой,
У окна — так сидят у бойницы
Вислозадые медные пушки.

ВЕЧЕР. ГЕРБ НА МОСТУ

Пятен оконных
 Цвет малярный:
 Отблеск лимонный
 В черных перилах.

Белая вьюга...
 — Тихая вата
 Кроет восходы,
 Кроет закаты.

Вечер трамвайный —
 Люди и рельсы —
 Что нам до Индии,
 Если есть Пенза?

ГОРОД-РЫБОЛОВ

(этюг)

Дремлет,
 Закинув в небо
 Колокольни —
 удочки —
 И ловятся звезды, зеленые и
синие,
 И ловится луна, желтая, медная,
лимонная.

* * *

Бел. Бел.
 Даже слишком изысканно бел
 Мел колоколен.
 Мел. Мел —
 Пересыпанный звездами мел.
 Лунной ночью изнеженный мел.
 Город сказочно болен.
 Да. Да.
 Колья брошены — кол на кол.
 Сухо щелкает — кол о кол.

И мимолетно счастье мое,
Я не пожертвую Индии духа
Телом Эллады — мифом ее.

* * *

Облака, облака... за окошком,
Распухая на западе алом,
Проплывают, как дохлые кошки,
В плесневеющей флегме каналов...

Среди белых, пятнистых и рыжих
Полусгнивших линияющих шкурок
Закатился за дальние крыши
Догорающий вечер — окурочок.

Ископаемым городом — лесом,
Мезозоем, обуглившим воздух,
Задушило в болотном компрессе
Наши песни об утренних звездах.

И о небе, смелее и лучше
Заставляющем с ветреной выси
Кувиркаться багровые тучи,
Как больших окровавленных рысей.

Чтобы утром сияющей стаей
Ты могла собирать их у окон
И дарить снеговым горностаям
Золотой иронический локон.

А теперь даже мокрые ветры
Словно вымерли в городе хмуrom.
Облака,
Облака беспросветны:
Только шкуры —
· раздутые шкуры.

Только ждем, не вернутся ли птицы,
И сидим, розовея макушкой,
У окна — так сидят у бойницы
Вислозадые медные пушки.

ВЕЧЕР. ГЕРБ НА МОСТУ

Пятен оконных
 Цвет малярный:
 Отблеск лимонный
 В черных перилах.

Белая вьюга...
 — Тихая вата
 Кроет восходы,
 Кроет закаты.

Вечер трамвайный —
 Люди и рельсы —
 Что нам до Индии,
 Если есть Пенза?

ГОРОД-РЫБОЛОВ

(этюг)

Дремлет,
 Закинув в небо
 Колокольни —
 удочки —
 И ловятся звезды, зеленые и
синие,
 И ловится луна, желтая, медная,
лимонная.

* * *

Бел. Бел.
 Даже слишком изысканно бел
 Мел колоколен.
 Мел. Мел —
 Пересыпанный звездами мел.
 Лунной ночью изнеженный мел.
 Город сказочно болен.
 Да. Да.
 Колья брошены — кол на кол.
 Сухо щелкает — кол о кол.

Глухо замер кол у кола.
Около колокола.
Нет. Нет.
Руки скрещены: крест на крест.

Медно — огненный день воскрес.
Просыпаться садам окрест.

ГОЛОС В ТЕМНОТЕ

Ночь вошла в окошко синяя,
Видны луны фонарей,
Тени сказочные, длинные,
Тихо вышли из дверей.

Если ночь тебя не успокоит,
Навевая тающий обман,
Если ты глухой сражен тоскою,
Если льется кровь из свежих ран...

Знай, что там, вдалеке,
На хрустальной реке
Дни и ночи мой город стоит
Белой дымкой повит,
Он на землю струит
Голубые каскады огней.

* * *

Навзничь падают тени.
Предметы остались нагими.
Этот город — корабль, над которым
Сомкнулась вода.
Как тенета, дороги лежат под ногами.
А совсем не идут —
О ночные пути в никуда!

* * *

Сегодня солнце — источник песен,
И летний ветер сошел с ума,
И строят тучи в горячих окнах
Свои заоблачные города.

.....

Уходит день, склоняя в море
Багровый шелк своих знамен,
И над Невой влюбленный город
Застыл, коленопреклонен.

ВЕЧЕР

День уходит как тореро —
(Белый плащ над синим миром)
Незадачливый тореро!
Он в бою сломал рапиру.

А мощеная арена
Звездной полнится кадрилью —
На губах у ночи — пена,
В черной шее — бандерильи.

Умирающий воитель,
Брось кровавую мулету,—
Пусть владеет победитель
Целым светом, черным светом!

ПРОДАВЕЦ ЛИМОНОВ

— Лунные лимоны!
— Медные лимоны!
Падают со звоном —

покупайте их

Рассыпайте всюду
Лунные лимоны —
Лунно и лимонно

в комнате от них.

— Яркие лимоны!
— Звонкие лимоны!
Если вам ночами

скучно и темно,

Покупайте луны —
Лунные лимоны,
Медные лимоны —

золотое дно.

* * *

Цвета свернувшейся крови — флаги.
Звездное (небо ли) — решето.
Небо — оберточная бумага,
Небо обветренное — желто.

Полон мир электрической желчи.
Этот металл для зубов — луна.
Этот, светлее трамвайной мелочи,
Город — (Люстра — полис) — страна.

Моторы (синхронные и асинхронные).
Тысячеваттный поспел виноград.
Это — смеющийся над влюбленными —
Питер —, Петер — и Ленин — град.

* * *

— Падают звезды!

— Серебряной пеной!

— Падают звезды!

— и листьям упасть.

— Падают звезды!

как рот джентльмена,
Золотозуба осенняя пасть.

* * *

Осень.
Босая осень
В шкуре немейских львиц,
В перьях из медных сосен
(Стрелы Стимфальских птиц).

Ветер монеты сеет...
Осень.
Даная.
Миф.

Гривы садов лысеют.
Ржет полуночный лифт.

РАДУГА НА МОСТУ КАЛИНКИНОМ

Дождь звонкими синими струнами
Повис на кустике, выросшем
Под куполом старой башенки
В кольце мостовых цепей,

А легкий смычок из радуги,
Над нами внезапно вспыхнувший,
Высек из струн невиданных
Сто разноцветных брызг...

* * *

Тугой изгиб фраортских луков,
В прекрасной линии твоей —
Аркады римских акведуков
И тихий свет из — под бровей.

А легких струн
И тяжких бронь звон,
И локон дыма на войне —
Как прядь волос коринфской бронзы,
На память срезанная мне.

БАНКОВСКИЙ МОСТ

Квадрига грифов дремлет на мосту.
 Деревья губит медь трофейной брони.
 А я слежу падучую звезду,
 Целую золотистые ладони.

Квадрига грифов дремлет на мосту.

* * *

Рике Аронзон

Я молчаливо зябну на мосту,
 Целую золотистые ладони...
 Роняет клен чеканную звезду —
 Деревья губит медь осенних броней.

Какие клады ветру разметать!
 (В них твой резец, как шпага, Бенвенуто)
 Их даже дворник, выйдя подметать,
 Своей метлой обходит почему — то.

Холодный лист, похожий на звезду
 И говорящий цветом о лимоне, —
 В твоих руках:

Я зябну на мосту,
 Целую золотистые ладони.

* * *

Мы под пробкой
 В домах — ретортах:
 Хочешь — плавься,
 А хочешь — спи,
 С лунным рогом
 Чернее черта,
 Небо взмыленное сопит.

Март окончен, кошачьи кланы
 В ночь бежали, подняв хвосты,
 Мыты метлами урагана,
 Листья крыш пусты!

И, как полки библиотек,
Что волнуют нашу кровь,
Нам запретны, как наркотик,
Недоступны, как любовь.

С лунным рогом, чернее черта,
Полночь бесится и храпит:
Если душно в домах — ретортах,
Хочешь — плавься, а хочешь — спи!

* * *

В трещинах старые наши дома,
Трещины в тучах,
Каждый по — своему сходит с ума —
Скучно.

Ты вивисекцией занят с утра,
Встав с петухами.
Я коротаю свои вечера
Астмой, стихами.

Я полюбил на потеху тебе.
Сам ты — не лучше.
Ме — е — е говоришь и влюбленное бе — е — е.
Скучно.

Третий свой нос до мозоли натер:
Грезятся кудри!
Он объявляет их галиматъей —
Мудрый!

Сам о знакомых посплетничать рад:
Похоть, мол, мучит их...
Кстати, уже продают виноград.
Скучно!

* * *

Ветер навстречу рушится,
Ни огонька вдали,
Только над цирком кружится
Красное — «Ван — Ю — Ли».

Тьма отовсюду валится —
Скрыть от себя самой
Тухлую ветвь Пекторалиса,
Пахнущую чумой.

А в облаках над городом
Красный дрожащий крик.
Вьюга взметает бороду
И надпись на небе: «Цирк».

* * *

Скоро в небесные раны
Алая хлынет заря.
Золото ночи — бураны
Хлопьями листьев горят.

Вижу: созвездия — кисти
Неба победных знамен,
Слышу осенние листья,
Их металлический звон.

Бьет листопад в барабаны,
Каждым листом говоря:
Скоро в небесные раны
Алая хлынет заря!

* * *

Звоном песен водосточных
Ночью улицы полны,
У тебя в глазах полночных
До утра следы луны.

Кровью ржавого коралла
Я хмелен — и мне невмочь,
— «На закатных крыльях алых
Прилетела птица — ночь».

10.04.54

ВСТРЕЧА С ВЕСНОЙ

Уличный ветер хохочет
Смехом, похожим на лай:
В звездную изморозь ночи
Выброшен алый трамвай.

Долгим серебряным звоном
Долго клонило ко сну...
Кто в задремавшем вагоне
Громко сказал про весну?

Чей это, пасмурной ранью
В серую скуку и дождь
Прыгнул, неяркий и странный,
Зайчик от новых калош?

Пусто скользнула по стеклам
Чья — то прозрачная тень,
Тронула поручень желтый —
Тихо качнулся ремень.

Кто бы сумел не заметить?
Видя, сумел не попасть
В солнечный — солнечный ветер,
В море смеющихся глаз?

Будто из мартовской ночи
Бросил в апрель или в май
Свой ледяной колокольчик
Утренний алый трамвай.

АЛЫЕ ТРАМВАИ

В трамвай нельзя не садиться,
А сев — не сидеть до кольца.
Луна, обливая ресницы,
У многих стекает с лица.

Луна наливается в окна
И льется уже через край —
Сосной золотистой и теплой
Сверкает вечерний трамвай.

УТРО

Много песен я прослушал,
Но запомнил лишь одну,
Как в эмалевые лужи
Утро бросило луну.

Беспокойно бродят тени,
Где — то очень далеко —
Свет неяркий, свет весенний,
Исчезающий легко.

Вороненные вороны
Удивленный тычут взор
В покосившийся, зеленый,
В темной плесени забор.

В ожидании притихли...
И, слепя вороный глаз,
Звонко мечущее иглы
Встало солнце — дикобраз.

13.02.54

* * *

Расцветает день и поет,
Золотой краснеет восток,
И на тонкий утренний лед
За листком слетает листок.

Каждый день идет поутру
Возле окон гравер — мороз,
И звенит на легком ветру
Серебристой толпой берез.

И в прозрачный розовый час
Золотою луной полна
В глубине задумчивых глаз
Голубых небес глубина.

Расцветает искрами сад —
На земле сверкают огни,

И, как листья, звонко летят
Золотые, синие дни.

29.04.54

ВОСКРЕСНОЕ УТРО

Соленые медные воблы!
Железные пилы — лещи!
Взывают могучие сопла
Трехсот сорока продавщиц.

Сегодня — засилие сельди.
Витрины забиты с утра
Треской из коричневой меди
И окислов серебра.

РАССВЕТ НА ПР. МАКЛИНА

— Сейчас привезут макароны!
На потных конях, а пока
В чугунной авоське балкона
Озябшие спят облака.

Из легких шелков и резины, —
На всех — огоньками — роса —
В плетеном железе корзины
Вздремнули на четверть часа.

А сонных готовятся ветры
Дождем, как японцы, косым,
Отмеривать, метры за метром —
Раздетым, голодным, босым:

— Бери, чернобурые крыши!
Набейте чердачный кошель!
Напьяльте, чтобы выгладеть рыжим,
Под розовой пудрой «Рашель».

И — ждите, терпением полны,
В зеленых и красных шелках,
Пока привезут макароны
На потных, как день, лошаках!

* * *

Облаков золотая орда
Ждет пришествия новой зари.
В предрассветных моих городах
Золотые горят фонари.

Далеко, далеко до утра,
И не знать опьяневшим от сна,
Что сегодня на синих ветрах
По садам пролетела весна.

Лунный город фарфоровым стал,
Белоснежным подобием глин,
Не китаец в лазурь расписал
Сероватый его каолин.

Нет, китаец, привычный к вину,
Распечатал его для людей
И лимоном нарезал луну
На тарелки ночных площадей.

Но не знать опьяневшим от сна
Чудодействия напитков иных,
И напрасно им дарит весна
Бесполезно — красивые дни.

* * *

В заре, расцветающей рано, —
Минуты, но ясны они:
В сетях золотистых туманов
Уловлены синие дни.

Несущие золото рыбы
В горячих чешуйках оконц,
Волнами, как красные глыбы
На море расплавленных солнц.

Минута, минута — другая,
Растает последняя тень —
Но ярок, как ты, дорогая,
Летающий по городу день.

Но снова, и снова, и снова
За крышами вянет заря
И ярок фонарь трехголовый
На тихой ноге фонаря.

А звезды, что остро и больно
Сияют на ребрах мостов,
Удят до утра колокольни
На удочки медных крестов.

* * *

А. Арефьеву

Небо — живот — барабан
Вспучило, медно гудя,
В красные проруби ран
Лунная пала бадья.

Цепью бегут фонари,
С цепи сорвавшийся, рыж,
Падает сгусток зари
В синь ущемления грыж.

Небу дают наркоз,
Грыжу спешат рассечь —
Мокрым глазам от слез
Звездно к утру истечь.

14.4.1954

ВЕЧЕРНИЦА

О, предзакатная пленница!
Волосы в синих ветрах...
В синей хрустальной вечернице
Кто — то сложил вечера.

Манием звездного веера
Ветер приносит в полон
Запах морской парфюмерии
В каменный город — флакон.

Пеной из мраморных раковин
Ночь, нарождаясь, бежит —
Маками, маками, маками,
Розами небо дрожит.

В синей хрустальной вечернице
Яблоки бронзовых лун
О, предзакатная пленница —
Ночь на паркетном полу

19.4.1954

ВОЗРОЖДЕНИЕ

М. Петрову

Как кожа милой под вуалью,
Нежна закатная река,
И мерно — розовые дали
В змеиных гаснут облаках.

Тревожно звонкие каналы
Хранят томительные сны,
Мечты под стать зарницам алым
И бред классической весны.

• Я выйду в улицы кривые,
Когда погаснут фонари,
И лентой брошу мостовые
На тело утренней зари.

Из расцветающих мечтаний
Букет для гибнущих певуч,
А вместо темных причитаний —
О камень бьется лунный луч.

Пока над мертвой вьются тени,
И звезды падают, звеня,
Я жду: родится чудный феникс
В огне сверкающего дня.

24.4.1954

АЛЬБА

Весь квартал проветрен и простужен,
Мокрый город бредит о заре,
Уронив в лазоревые лужи
Золотые цепи фонарей.

Ни звезды,
Ни облака,
Ни звука
Из — под крыш, похожих на стога.
Вознеслись тоскующие руки —
Колокольни молят о богах.

Я встречаю древними стихами
Солнца ослепительный восход —
Утро с боевыми петухами
Медленно проходит у ворот.

АЛЬБА

Весь квартал проветрен и простужен,
Мокрый город бредит о заре,
Опустив в лазоревые лужи
Золотые луны фонарей.

Вознеся тоскующие руки
Из — за крыш, похожих на стога,
Сохнут мачты с парусом в разлуке,
Колокольни молят о богах.

За печальный час твоей прохлады,
Эос, розоперстая заря,
Я бросаю радостные клады
Фонарей, как нитку янтаря.

Я встречаю новыми стихами
Солнца ослепительный восход —
Утро с боевыми петухами
Медленно проходит у ворот.

АЛЬБА

Весь квартал проветрен и простужен,
Мокрый город бредит о заре,
Уронив в лазоревые лужи
Головы усталых фонарей.

А заря едва — едва колышет
Крыльями на сером полотне,
Осторожно вписывая крыши
В тихо голубеющем окне.

И как щит, невиданный дотоле,
В гербе тех, что шли издалека,
Зацветает пепельное поле
В золотые розы — облака.

Огненными лисьими мехами
Затянув стеклянный небосвод,
Утро с боевыми петухами
Медленно проходит у ворот.

* * *

Весь квартал проветрен и простужен,
Мокрый город бредит о заре,
Уронив в лазоревые лужи
Блеклые цепочки фонарей.

И когда, следа не оставляя,
Исчезает утренняя мгла,
Всех зовут веселые трамваи
К новым, ненаскучившим делам.

Только я, забыв о самом главном,
Об известных буду пустяках
Девочке, красивой и забавной,
Говорить в торжественных стихах.

А когда утихнет дома радость
И пройдет ее веселый хмель,
Вдруг припомню, что сегодня надо
Уезжать за тридевять земель.

УТРО

Весь квартал проветрен и простужен,
Мокрый город бредит о заре,
Наклонив в лазоревые лужи
Матовые руки фонарей.

— Слушайте, как мерно дышит море!
Посмотрите: утро впереди! —
Нет на свете радостнее горя,
Чем печаль расплакавшихся льдин.

В час, когда на облачные стаи
Нарастает белое перо,
Да звонками алого трамвая
В тротуары брызжет серебро.

И спешат к трамваю пешеходы,
Чтобы яркой северной весной
Вылезать у дальнего завода
Из вагонов, пахнущих сосной.

23.1.55

РАССВЕТ

Долгие минуты выжидая,
Ночь велит погаснуть фонарю,
Нехотя себя перерождая
В фиолетовую зарю.

А она едва — едва колышет
Крыльями на сером полотне,
Медленно очерчивая крыши
В медленно синеющем окне.

Словно хочет вырваться на волю
И к тому, что день недалеко, —
Разбросать по пепельному полю
Огненные розы облаков.

ПЕРЕД ВЕСНОЙ

Прочиталось в лужах под трамваем —
«Завтра, завтра кончится зима».
Я не знаю, знали иль не знали
Это отсыревшие дома.

А в саду расплакались деревья,
Не от боли — просто таял снег,
Как большие голубые перья,
Облака тянулись через век.

ЛУЖИ

На серебряных рябчиках лужи
Иероглиф ущербной луны,
Как насечка старинных оружий
(О, эфесы несметной цены!)

Бесконечность весенних проталин,
Вечеров золотые пески —
Лепестками тоскующей стали
Разрешились от смертной тоски.

* * *

Конечно, в лужах есть окошко
Сквозь землю — в южный небосвод,
Не зря к нему приникла кошка —
Лакая звезды — небо пьёт!

А рядом, чуть живой от жажды,
И я, — боясь сойти с ума —
(Любой бы делал это так же!)
Она надвинулась сама.

Внизу мякнул изумленно
Хвостатый рыжий антипод:
Два зверя, полные соленым,
Лакали небо — я и кот!

Вот счастье! — Думать ночью поздней
О царствах мира, их тщете,
Когда безоблачно и звездно
В небесно — полном животе!

Любая лужа есть окошко,
Когда желающий забыть
Придет к нему бродячей кошкой,
Лакая звезды, небо пить.

2.3.55

ПРОДАВЕЦ МАСОК

Моя длиннополая шляпа
Сегодня у всех на виду.
Я вечером синим закапан
В промокшем весеннем саду.

Я всех узнаю без ошибки,
Горланю у всех на пути:
«Несите печаль и улыбки
В цветную пургу конфетти!»

Хлопушки и маски — гримаски,
Билеты на бал — маскарад, —
Из будки дурацкой окраски
Я вечно выкрикивать рад.

ЯРМАРКА «ПАССАЖ»

Пусть Египет разграблен гиксосами.
И в ущелье погиб Леонид.
Голубые лотки с абрикосами
Ароматом наполнили дни.

И рожденный из матовой пены,
Будто истина, светел и прост,
Абрикос, золотой, как Микены,
Розоватый, как зад, абрикос.

О смешные этрусские вазы!
(И безумцу не радуют взор!)
— Унитазы! Прошу: унитазы,
Голубой, как невеста, фарфор!

— Электрический кролик! Мутоны
(Славят рупоры в крике своем)
Шелковисты, как бедра Мадонны
И прохладны, как руки ее!

26.06.54

СЕННАЯ ПЛОЩАДЬ

Засилье веников и крынок.
Триумф весны и нищеты, —
Цветной базар — мятежный рынок —
Рекламой принят на щиты.

И солнца плеск,
И стекл плесень, —
Отныне собраны в аккорд —
Клавиатурой черных лестниц
В мажорной клумбе клавикорд.

7.06.57

* * *

В медные доски панелей
Бьют прокаженные сны:
— Пейте ночные коктейли —
Лучшие вина весны!

В желтой фонарной корзине
Сноп золотых макарон —
— Режьте ночную резину
Неба закатных сторон!

Ешьте соленые стекла,
Ломти от каменных туш,
Запад малиновой свеклы
С маслом оливковых луж!

Лунно на медной панели
 Шляются пьяные сны.
 — Крепки ночные коктейли —
 Лучшие вина весны!

БУРИМЕ

Себе и только, в день рождения

Радуйтесь ветру, звонкому ветру!
 Каждый находит то, что искал:
 Город сегодня, город сегодня
 Тонко поющий, лиловый бокал.

Ночь листопада, ночь листопада,
 Каждый листок — золотой тамбурин,
 Лунные рифы в море заката,
 Алые грифы в мире глубин.

Золото в листьях, золото в листьях,
 Подвиг и радость чуждому мер!
 Радуйтесь ветру, звездному ветру!
 Истина — ветер, жизнь — буриме.

16.9.54

* * *

Небо — живот — барабан
 Вспучило, медно гудя,
 В красные проруби ран
 Лунная пала бадья...

Так начинается утро:
 Темой шизофрении, сомнамбулы, сна,
 Мыслью рыбы, немой, как Немо,
 Голос птице дает весна...

Ночь разорвалась, как облачный кокон,
 Бросив горящую куколку — день
 Быстрой торпедой вдоль пепельных окон,
 В лестничный хаос ступенек и стен.

Там, где чугунное кружево кружев
Давят питоны дубовых перил,
Бесится, ярче оранжевой лужи,
Солнце, рыжее, чем стадо горилл.

Пьяный шумер в подворотнях Аккада
Был бы, наверное, меньше нелеп:
В утренний час золотой клоунады
Мартовский город оглох и ослеп.

Ночь дочитала засаленный сонник,
Вырванный ветром, сбывается сон,
Стал канонером последний каноник
И канонадой органный канон.

11.03.55

НОЧЬ ЛИСТОПАДА

*И будет ночь черней вороны,
Луна издаст тоскливый стон,
Как медный щит центуриона,
Когда в него ударит слон.*

До утра не заперты ограды
(Все равно их ветром разобьет) —
Напустили в город Листопады
Золотую тучу воробьев:

И летят сверкающие листья,
Под ногами — звездные лучи —
Пляшет ночь, и пляс ее неистов
От земли небес не отличить.

Там не месяц маленьким уродом
Выпрыгнул из тьмы своих берлог,
А, склонив светящуюся морду,
Полз к земле шафранный носорог.

4.10.1954

НОЧЬ ЛИСТОПАДА

Было падло.
 Листья падали,
 Ночь оплыла стеаринами.
 Золотые горы падали
 Пахли — хиной, мандаринами.

Пали тени.
 Пали сумерки.
 Лампы — цитрусы.
 Цитраты — мы.
 Ночью, ветрами простуженной,
 В лужах — пыл денатуратовый.
 Было падло.

2.11.55

* * *

Тучи.
 Моржовое лежбище булок.
 Еле ворочает даль.
 Утром ущелье — Свечной переулок,
 Ночью — Дарьял, Ронсеваль.

Ночью шеломами грянутся горы,
 Ветры заладят свое —
 Эти бродяги, чердачные воры
 Делят сырое белье.

Битой жене — маскарадные гранды
 Снятся.
 Изящно хотят...

Гуси на Ладогу прут с Гельгоlanda.
 Серые гуси летят.

29.4.56

* * *

Ночь на исходе.
 По крышам шагают тучи.
 Шлепают жабы — это
 Старух покидают сны.

Луна неизвестно где.
 Кошки канючат.
 Звенят доспехи —
 Сны покидают детей.

Ночь на исходе...

3.07.57

УТРО

Ночь на исходе.
 По крышам шагают тучи.
 Шлепают жабы — это
 Старух покидают сны.

Кошки канючат,
 Звенят доспехи —
 сны покидают детей.

Ночь на исходе.
 По крышам шагают тучи.
 Белеет булыжник.
 В изящных овалах луж —
 Утренний ветер,
 Рассыпав серебряных рыбок
 (очень веселых)
 Вспыхнул и сразу погас.

Ночь на исходе.
 По крышам шагают тучи.

3.7.1957

ТРЯПИЧНИК

Туман, по — осеннему пресный
 От ветра шатается. — Пьян.
 Пришел ко двору неизвестный.
 Воскликнул:
 — Тряпье — бутыл — бан!

Приму ли диковинный вызов —
 Нелепый татарский девиз.
 (Ворона, бродившая низом,
 Стремительно ринулась ввысь).

— О, думаю, мудрая птица
 Не любит дворовых тревог!
 Но, молча,
 швыряю
 в бойницу
 Бутылку и рваный сапог.

24.7.57

* * *

Многобашенный град мой,
 В прибережной гранитной долине:
 Статуй смуглая медь,
 Бледный мрамор колонн,
 В царстве строгих фигур —
 Строгость царственных линий.

Золотая орда облаков
 Ставит станы по тихим предместьям.
 Золотые горят фонари.
 До второго пришествия дня
 Тишина
 Низошла
 По ступеням бесчисленных лестниц.

14.3.1959

* * *

1

Сегодня над ночными крышами,
 На слезы стынувших берез
 Звонок метнулся недослышанный
 И два огня светлее звезд

2

По Колокольной, по Литейному,
 До неизвестного кольца,—
 Всю ночь, за мокрыми метелями,
 Звенели рельсы без конца.

.....
 Одна снежинка не растаяла
 Зеленой искрой в волосах,

.....
 голоса!

РУНИЧЕСКАЯ БАЛЛАДА

Есть тайный храм, где каждый — званный,
 Кругом медвежий край — леса,
 А в храме том поют «Осанну»
 И плачут чьи — то голоса.

Весь мир на тысяче наречий
 Тот храм по — разному зовет,
 Но ясен взор и прямы плечи,
 У всех, кто крест его берет.

Чей Бог — един, и Он есть Слово —
 Гонимый более других,
 Он жить не станет в храмах новых,
 Ему смешон убогий стих

Корявых песен новых хамов,
 Их мысли грязны, как скопцы...
 Но есть рунические храмы,
 Есть Бог и есть Его жрецы.

Он есть. Огни его не ярки.
Не всем видны, но есть еще,
И циклопические арки
Повиты хмелем и плющом.

* * *

Не может быть, чтоб ничего не значив,
В земле цветы рождались и цвели.
— Я здесь стою.
Я не могу иначе.
Я колокольчик ветреной земли.

Я был цветком у гроба Галилея,
И в смутном одиночестве царя.
Я помню все.
Я знаю все.
Я все умею.
Чтоб гнуть свое, смертельный страх боря.

Мой слабый звон приветствует и плачет.
Меня хранят степные ковыли.
— Я здесь стою!
Я не могу иначе!
Я — колокольчик ветреной земли.

* * *

Я зритель ночных беззаконий,
А край, о котором рассказ,
В узорных корзинах балконов
Скрывает созвездия глаз.

Я житель стеклянного края,
Где люди послушны мечте
И верят, что кровь — голубая,
И аист приносит детей.

Там слезы хрустальных оркестров
Сетям подарил океан,
А руки у каждой невесты —
Как ветер полуденных стран.

Я рыцарь счастливого края,
Из города Белой реки,
Где жители горя не знают,
Где жители все — рыбаки.

Где в час наступления ночи
Справляется праздник росы,
И лунные девичьи очи
Полны неизвестной красоты.

И с неба слетают кометы,
Влюбленные в край рыбаков,
В одеждах из звездного света
И тени ночных облаков.

За песни дневного улова
О птицах, летящих на юг,
Учить неизвестному слову
Прекрасных, как птицы, подруг.

А юношу — быть молчаливым,
И гордость смиряя в крови,
Склониться немым и счастливым
На слово великой любви.

Я житель чудесного края,
А край, о котором рассказ,
Забот и печали не знает,
Не знает тоски и гримас.

НОКТЮРН

Дымный вечер закатом изранен.
Вместе с ночью приходит тоска,
Снова город, одетый туманом, —
Золотой электрический скат.

В переулках, изученных мною,
Словно формулы школьных таблиц,
Слился бой с отсыревшей стеною,
То взлетая, то падая ниц.

И любимая, тяжело больная,
Сторона привлекает меня,
Не рассветом грядущего рая,
Но печалью прошедшего дня.

Дня, в котором так длинны минуты,
Так безрадостно — темны часы
Как тяжелые, бурые трупни,
Погибая от жала осы.

Но погибнув, растаяв в минувшем,
Будто феникс в букете огней,
Говорят о навеки уснувшем,
Возрождаясь в светящем дне.

Будто горе — лишь сон скоротечный,
Будто мертвые живы друзья —
И от яда облатки аптечной
Будто в космос проникнуть нельзя.

ФЕВРАЛЬСКАЯ

Снег на озябших крышах,
Синяя стынет тишь.
— Донна Мария, слышишь?
Донна, о чем грустишь?

— Рыцарь забыл о милой,
Рыцарь усталый спит.
— Донна, к его могиле
Лунный прикован щит.

Ветер ночных ущелий
Принял последний вздох.
В шлеме разбитом щели
Яркий украсил мох.

Так никогда не будет...
Встань, подойди к окну.
Талая ночь, безлюдье,
В городе ждут весну...

Где — то в сыром тумане
Звякнул ночной трамвай.
Скучно? Читай романы
Или опять играй.

БЕЛАЯ НОЧЬ

Улетает солнечная птица,
Бросив ветру пепел облаков.
Полночь мая — белая синица,
Майский город — храм без потолков.

Отвести, как яблоко, и мне бы,
Улететь, куда глядят глаза,
Раз упала, брошенная небом,
Золотоволосая звезда!

Раз она хотела быть холодной,
На луну предутренних озер
Вой, поэт! Ты тоже пес голодный!
В брюхе — лед, а в голове — костер!

1954

* * *

Я скоро забуду о свете —
Задушит неспешная плесень...
А в мире сверкающий ветер
С немислимо — утренней песней...

Хоть час, хоть минуту свободы! —
Я в самые лучшие рифмы
Украшил бы мост, где у входа
Сидят золоченые грифы.

— Пустите! — Прелестные саги
Так звучны предсмертной порою...
Не пустят! — И мысль о бумаге
Несносна больным геморроем!

— Палач мой, больной и угрюмый,—
Ленивая старая бочка,
Пускай принесет нам по рюмке
Твоя хромоногая дочка.

Смеется — привыкла к поэтам...
Как многим, хромая плутовка,
Ты грезилась ангелом света,
Пока заряжали винтовки!

А та... интересно, ходила
С изысканно — модной гримасой
Читать над пустою могилой
Финальный эдикт Фортинбраса?

ЦАРЬ-ХОХОТ

Ночь — веселью не помеха,
За окном метель хохочет:
— Станем рыцарями смеха,
Собирайтесь все, кто хочет!

В парусах металось эхо:
Возносите в небо мачты!
Тонут сны в сугробах смеха,
Смех приюту новобрачных!

У любви — постельной крохи —
Тьма свела истомой крылья,
А во тьме кривится хохот
В большеротом косорыльи.

За окном метель хохочет
(Ночь веселью не помеха)
— Собирайтесь все, кто хочет,
Станем рыцарями Смеха!

ВОЗЛЮБЛЕННОЙ НОЧИ

Когда тоскою предвечерья
Я залит — душу погубя,
Целую огненные перья,
Зову тебя и жду тебя.

И мнится: мир наполнен ядом,
Но все на свете прощено.
И все твоим безлунным взглядом
Во имя мглы освящено.

Она близка и все погибло.
Заря — о прожитом рассказ,
Но есть мерцающие иглы
В глуби твоих огромных глаз.

И верю я: не надо света,
Без солнца гибнет слабый враг,
Хочу склониться безответно,
Заслышав твой неспешный шаг.

ДОМ ПОВЕШЕННОГО

(Памяти В. А. Преловского)

В целом мире не сыщешь белее ночей,
Мостовых не найдешь горячей,
А в ночи безотрадной домов не найти,
Перевитых в ночные пути.

В этом доме, лишь гаснет кровавый закат, —
Осторожные тени стучат.
Там луна серебрит потолков высоту,
Там оправлен кошмар в белизну паспарту,
Там насмешливо ангел глядит из угла,
И под пылью — тоска залегла.

В эти черные окна, лишь гаснет заря,
Наливается свет фонаря.
А в пустой тишине — запоздалый трамвай,
Да собачий серебряный лай.

Там томление белых июньских ночей,
Словно свет навсегда потускневших очей:
В этом доме, из мрака воспрянувшем вдруг,
В этом доме повесился друг.

Этот дом надо мной, как печальный маяк,
Там канал, как большая змея,
Извивается, в камень одетой струей,
И блестящей звенит чешуей.

30.03.54

ЭПИТАФИЯ

В. П. (и мне)

В жизни, блуждая по улицам снежным
С черепом, полным звучания строф,
Я согревал полумертвой надеждой
Жажду космических катастроф.

Те, от кого я не стал бы таиться,
Мне за любовь заплатили презреньем.
Тот же, кто шел предо мною открыться,
Грустные вечно будил подозренья.

Жалок Шекспир!
Ну, чего он боится —
Гамлет — трагический микроцефал.
Нет. Над вопросами датского принца
Я головы не ломал.

ВИШНЕВАЯ МЕТЕЛЬ

Опять луна мне яд свой льет
На смятую постель,
Опять в саду всю ночь поет
Вишневая метель.

Тревожной, теплой темной
Повеяло в глаза.
И в знойном мраке надо мной
Сгущается гроза...

Как звезды близко! В двух шагах,
Рукой могу достать.
Спустились... Все... Горят в цветах,
Но руку не поднять.

А кто вложил вчера в сирень
Букет из черных рѳз?
Цветы... Цветы... Пора? Уж день?
Нет, нет!.. Немного грез.

И ты пришла цветы смотреть?
Но что же так темно?
Я понял: это значит смерть.
Я это знал давно.

Но я привык встречать врагов
Лишь стоя на ногах.
Ко мне друзья спешат на зов,
И верный меч в руках.

Сверкнула яростная сталь
Звенящей полосой...
Вдруг тихий голос мне сказал:
«К чему ненужный бой...»

Я вижу: девушка кладет
Мне руки на глаза,
И поцелуй ее как лед,
А на щеке слеза.

Мне надоела канитель,
Я меч ломаю свой:
Звени, Вишневая метель,
Теплей меня укрой.

СЕРЕБРЯНЫЙ КОРВЕТ

Когда я буду умирать,
Отмучен и испет,
К окошку станет прилетать
Серебряный Корвет.

Он белобережным крылом
Закроет яркий свет,
Когда я буду умирать,
Отмучен и испет.

Потом придет седая блядь —
Жизнь с гаденьким смешком —
Прощаться. Эй, корвет, стрелять!
Я с нею незнаком.

Могучим басом рухнет залп,
И старый капитан
Меня поднимет на штормтрап,
Влетая в океан.

19.04.1953

* * *

Вот светлеет небо, и совсем сгорает
Синеватый месяц в голубой заре,
Тихо и красиво клены умирают,
Золотые клены в сером ноябре.

Мне в окно стучатся их сухие руки,
Ни о чем не просят, только — не жалеть,
И метель их листьев в безучастной скуке
От меня скрывает золотую смерть.

Вот она приходит, листья собирая,
И к другим уходит в дальние края.
Если так красиво клены умирают,
Как хотел бы кленом быть на свете я!

РОМАНС О ЛУНЕ, ЛУНЕ

О, луна, луна!
Светоч синих ночей,
Вечно плыть бы без сна
По теченью лучей.

О, луна, луна!
Не беги от меня в облака,

Я ведь грустью твоею полна,
О, луна! — Золотая река!

О, луна! — Протяни мне свой луч,
Я спешу на свиданье с тобой
Где, звеня, твой томительный ключ
Бьет струей, как струна, золотой.
Не беги от меня в облака,
О, луна! — Золотая река!
О, луна.

* * *

В голубую зарю
С желтым месяцем
Как мне стать фонарем?
Как повеситься?

Жаль, ни мне, ни тебе,
Нам не дадена
На чугунном столбе
Перекладина!

Не для нас в стеклянной
скворешенке
Звезды пряные,
Как подснежники.

Подбирают лучами
ломкие
Золотые ключики
тонкие!

Но ни мне, ни тебе,
Ах, не дадены!
На чугунном столбе
перекладины...

— В голубую зарю
С желтым месяцем,
Как нам стать фонарями,
повеситься?

* * *

Я ли знал тебя такую,
Или все придумал сам,
Но безумною тоскою
Ты была моим глазам.

В час, когда ложились росы,
Синим пламенем горя,
У тебя в тяжелых косах
Звезды были, говорят.

Говорят, что вовсе небыль
Встречи на земле,
Будто ты, оставив небо,
Не придешь в вечерней мгле.

О, закатная Россия,
Бред мой давний голубой.
От меня ли ты красива,
Или я живу тобой?

* * *

Лишь только ночные озера
Далекой, но милой страны
Сравнятся с таинственным взором
Такой неземной глубины.

Лишь песни минувших поэтов
Да звезды в ночной высоте
Сиянием звонкого света
Подобны ее красоте.

А я, презиравший с улыбкой
Любви торжествующий мрак,
Подобен тоскующей скрипке
В ее неумелых руках.

* * *

В глубинах прозрачного взора
Хрустальная нота молчит —
Таковыми бывают озера
На Севере
В летней ночи.

Две ноты над озером зыбким:
Я пел только радость и страх,
Подобно тоскующей скрипке
В ее неумелых руках.

* * *

Я болен, и стихи мои больны.
Меня — нельзя, а их любить не трудно,
Они прозрачней утренней луны,
Пустынной улицы безлюдной.

Ты в них, на удочке беды,
Найдешь отравленную рыбку,
А всякий, жаждущий воды —
Сухую молнию — улыбку.

* * *

Что — то мне взгрустнулось в этот вечер —
Я зашел в пустой и темный сад
Слушать, как поет осенний ветер
И звенит усталый листопад.

Золотыми искрами мерцая,
Изредка сорвавшись и сверкнув,
Листики червонного металла
Падали на мокрую скамью...

Если б этот миг продлить на годы:
Призраки в одежде золотой,
И, взметая звонкие сугробы,
Звездный ветер пел бы надо мной...

Вечно быть таким же одиноким,
Странные досматривать бы сны,
Что легки и пьяны, как наркотик,
Как цветы увядшие — грустны.

* * *

Растревоженный вечером гулким
Вереницами снов оплетен,
В снеговом забытьи переулков
Я искал и свое забытье.

Как и раньше, мой город прелестен,
Но в беде не сумеет помочь —
И мелодия будущей песни
Мне известна, как близкая ночь,

Что сиянием призрачным мучит.
Так же знаю, что скоро наскучит
И тебе эта песня, и мне —
Можешь бросить листок, не читая,
Или сжечь на холодном огне
Полуночного лунного края.

* * *

Снег на крышах белеет,
Ночь над ним лиловет,
Плачет небо и падают звезды,
Плачет песня, жалея,
Что струна тяжелеет,
Песня, песня, не плачь, моя песня.

Слезы падали в дали,
В голубой от печали
Лунный сумрак над зеленью зыбкой,
Но напрасно рыдали,
Не пришел Страдивари,
Не утешил тоскующей скрипкой.

Напрягаются песни — струны,
Наливается плачем скрипка —

Лунной медью, печалью лунной
Водит вечер по пальцам гибким.
Напрягаются песни—струны.

ДРУГУ

Когда в бою покинут силы
(Ведь, может быть, случится так!),
Ты в знак того, что сердцу мило,
Умри не так, как хочет враг.

Но в память тех, что пали прежде,
Чьим взорам больше не цвести,
Погибни так, чтоб жить надежде,
За эту гибель отомсти.

* * *

*Мне на спину бросается век—волкодав,
Но не волк я по крови своей.*

Я пуст — мертвы мои дороги,
Нас кроет звездная пурга —
Среди других четвероногих
Не мог стоять на двух ногах.

Хоть долг вражды — что помнит всякий,
Я не платил, как всякий долг,
Но те, кого я звал «собаки!»
Не смели мне ответить: «волк!»

* * *

Нет! Пощады от жизни не ждатель. Но всегда
Беззаботно смеяться над ней —
«Мне на горло бросается век — волкодав,
Но не волк я по крови своей!»

О, не волк я, хотя дрессированным псом
Не могу под ногами юлить,
Терпеливо вилять языком и хвостом,
О подачке и ласке просить.

* * *

Долгий путь остался позади —
Я опять один на белом свете,
Не буди меня, о не буди,
Голубой весенний ветер!

Глубоко запрятан в сердце стон,
На глазах давно просохли слезы,
Я хотел бы спать и видеть сон,
Безмятежный, ласковый и звездный.

Пусть совсем один на белом свете,
Все мечты оставив позади,
Буду спать, а ты, веселый ветер,
Не буди меня, о, не буди.

* * *

Я хочу научиться у ветра
Никогда ни о чем не грустить,
Чтобы алую розу рассвета
Для тебя по утрам приносить.

И еще я хочу, хоть, на деле,
Никому научиться нельзя
У холодных и звездных метелей —
Позабыть о погибших друзьях.

Петь — у вас, предрассветные птицы,
Умирать — у тебя, Скорпион,
Только лучше всего научиться
Не любить, если буду влюблен.

* * *

Я хочу научиться у ветра
Никогда ни о чем не грустить,
Чтобы алую розу рассвета
Для тебя по утрам приносить.

И еще я хочу (хоть, на деле,
Никому научиться нельзя)
У холодных и звездных метелей —
Позабыть о погибших друзьях.

И еще я хочу научиться
Лишь в мечту — если буду, влюблен.
Петь — у вас, предрассветные птицы,
Умирать — у тебя, Скорпион,

Научусь — и не жалкие слезы —
Просто так упадут, для красы,
На ветрами раскрытые розы
Голубые кристаллы росы.

3.12.54

* * *

Шале

Гость тревожный, безмолвный и серый,
Кто ты, сумрачный гость, отвечай!
Пробираясь в закрытые двери,
Что ты ищешь у нас по ночам?
Кто ты, знающий тайные думы?
Как ты смеешь без спроса входить?
Отвечай, посетитель угрюмый,
Только дочку смотри, не буди.

— Я холодный полуночный ветер,
И повсюду свободно лечу,
Все я вижу, все знаю на свете,
А вхожу потому, что хочу.

— Тише, тише, пришелец незванный,
Осторожней со мной говори —
Чудный сон про чудесные страны
Снится дочке с вечерней зари.

У нее от улыбки ресницы
Золотому подобны лучу,
Тише, тише...

А что мне таиться,
Говорю, как хочу!

Тем, кто вольно гуляет по свету,
Не посмеет никто запретить!

Будь же счастлив,
Гуляй себе, ветер,
Наша девочка спит...

ФЛАГ

Под кружевом лиственниц мгlistых
Читая скрещения шпаг,
Я резок, как пушечный выстрел,
Как ветром освистанный флаг.

Когда изукрасить заливы
Луну принесут облака.
Над миром — таким молчаливым! —
Моя распростерта рука.

Тогда каменеет бумага
Под тяжестью гордых словес:
— Люблю
Одиночество флага
В хохочущей
Глотке
Небес!

* * *

Вместо ночи — безвременье,
В небе — вата и мгла,
Я умею, как древние,
Колдовать до утра.

Не восстань над кошмарами,
Бойся знать и судить,
Волхования старые
Уведут от беды.

* * *

Воспрянув в безмерной гордыне
Цветут надо мной паруса,
А Бог над бунтующим сыном
Хохочет во все небеса.

Кричат переводчики в рупор:
— Твоя, мол, отвага смешна,
Чего тебе надобно, глупый?
И я отвечаю:

— Рожна!

ГИМН ДИКИХ

Дикари! нас кормят мысли,—
Открывайте банки,
Если в них еще не скисли
Мысли — бумеранги.

На охоту! На охоту!
Смерть микроцефалам!
Смерть — болванам, идиотам!
Нас и так немало!

Только диких кормят мысли —
Проверяйте банки!
У кого мозги не скисли —
К бою, бумеранги!

* * *

Если день поражен,
Или ночь сражена —
Нам — прать на рожон,
Мы — против рожна!

У стеклянной козы — дождезвона
Тучный бок,
и в копытцах вода,
Только козы не знали резона,
Только коз сторожила беда.

Кисел рубин рябины
 В квашне переносицы битой:
 — Сукин ты кот, Катилина!
 — В шею его, квириты!

Ставлю рожон
 Против рожна:
 — День поражен,
 — Ночь — сражена!

МРАЧНЫЙ ГОСТЬ

Мои друзья — герои мифов,
 Бродяги,
 Пьяницы
 И воры.
 Моих молитв иероглифы
 Пестрят похабщиной заборы.
 Твердя свое
 Баранам, прущим на рожон.
 Стихи размеренной команды —
 Такие песни —

не для жен.

— Здесь есть мужья...

— Но есть ли мужи?

(Мой голос зычен,

груб и прям).

Дорогу мне!
 Не я вам нужен!
 Я не пою эпиталам!

* * *

1

Мои друзья — герои мифов,
 Бродяги, пьяницы и воры.
 Моих молитв иероглифы
 Пестрят похабщиной заборы.

2

— В костре закатных облачений
Да сгинет свет и суета!
— Аминь!
(На улицах вечерних,
Прохожих душит темнота).

3

От лунного света,
Фонарного света —
Тени:
Волюты,
Спирали,
Тенета.

4

Качнутся лампы,
Дрогнут тени,
И ночь обрушится в лицо
С колючей готикой видений —
Картечью битых леденцов.
Молюсь, луной исполосован.
Из тени тигра — мой стихарь,
Как будто к бою разрисован,
Молю о смерти я — дикарь.

ТЕНИ

1. Уличные тени

От лунного света,
Фонарного света —
Тени:
Волюты,
Спирали,
Тенета.

2. Из окна

Погаснут лампы —
 Дрогнут тени —
 И ночь обрушится в лицо
 С колючей готикой видений —
 Картечью битых леденцов.

3. Моя тень

На лестничных маршах
 Вдоль красных стен
 — (приветствуя двери: Сезам!)
 Сорву со стены плоскомордую тень.
 А лампы — по рыбьим глазам!

У тени и глаз — одинаковый звук.
 От них под ногами — одно,
 Как будто случайно раздавлен паук,
 Как тающий студень — пятно.

6—7.04.57

* * *

Горячие тучи воняют сукном,
 По городу бродит кошмар:
 Угарные звезды шипят под окном,
 Вращается
 Каменный шар.

Я знаю, в норе захороненный гном
 Мышонком — в ковровую щель:
 «В застенке пытаются зарю. Метроном
 Кует серебристую трель».

Меня лихорадит.
 — О, сердце, как лед!
 — Мозга пылающий жар! —

Косматое солнце по венам плывет,
 Вращается
 Каменный
 Шар.

10.11.58. г. Пушкин

* * *

Чем я пьян? Какой — то лаской,
Блеском огненных очей,
Небывало — страшной пляской
В снах сиреневых ночей.

В упоении бездонном
С жутким смехом все сотру,
Страшно — черной белладонной
Расцветая поутру.

* * *

Мне никто на песню не ответит —
Спят друзья тяжелым, жутким сном,
А над миром реет звездный ветер
И деревья стонут под окном.

Да и сам едва смотрю сквозь дрему —
Одолела дьявольская ночь...
Одичал, не выманить из дома,
И перо держать совсем невмочь.

* * *

У огня с непогодами шашни
Завелись в непогодном дупле,
Догорели и рухнули башни, —
Я картошку испек на золе.

И опять одеваю поленья
В золотые лохмотья огня,
Разомлев от обжорства и лени,
Опечаленный близостью дня.

* * *

Мои слова притворны, слезы —
Притворство, если не спяна,
Но это знают только звезды,
Читая буквы из окна.

Они скромны и молчаливы,
Пускай следят из — за плеча
Надежд приливы и отливы —
Душа поэта горяча!

Не счесть при сказочной отваге
Ее желаний и страстей —
Мне хватит — (О, лишь на бумаге!)
Весь мир звать в свою постель.

* * *

Громадные, громко молчат небеса...
Восходит звезда за звездой.
Для рифмы, конечно, я выдумал сам
Твой жалобный крик, козодой.

Но что не для рифмы! —
Оборванный сон,
Луны серповидный обрез,
Дворовый колодец — бетонный кессон,
Кессонная злая болезнь?

Монетой, блестящей в ночной синеве,
Серебряный очерк лица,
И — только для рифмы — на черной траве
Тяжелый живот мертвеца?

Идущие к дому, спешащие прочь,
Не надо на рифмы пенять:
На ваших кроватях — костлявая ночь,
Матерая, потная б...!

* * *

Вечерний воздух чист и гулок,
Весь город — камень и стекло.
Сквозь синий — синий переулок
На площадь небо утекло.

Бездомный кот, сухой и быстрый,
Как самый поздний звездопад,

Свернув с панели каменистой,
На мой «кис — кис» влетает в сад.

Старинным золотом сверкая,
Здесь каждый лист — луны кусок —
Трубит октябрь, не умолкая,
В свой лунный рог...

* * *

Я нечаянно здесь — я смотрел
В отраженья серебряных крыш
И совсем от весны заболел,
Как от снега летучая мышь.

Захотелось прийти и сказать:
— Извини, это было давно, —
И на ветер рукой показать,
И раскрыть голубое окно...
— Извини, это было давно...

* * *

Возвращаясь, проносятся птицы,
Словно фейерверк радостных звезд
И цветут за домами зарницы
Отражением будущих грез.

Это значит, что майские зори
Возвещают свой первый восход,
И впервые в открытое море
Им навстречу ушел пароход.

Я запомнил, как взвыли сирены,
Как под клич металлических ртов
Пронеслась розоватая пена
Мимо пепельно — серых бортов.

И потом все казалось, казалось:
Непривычный огонь фонарей —
Надо мною заря разгоралась,
Билось море в когтях якорей.

Как томительно вымпелы вились!
И на каждом — морская звезда,—
Я заметил — и сердце забилося,
Как не билось еще никогда.

УТРО

Обнажив коснеющие тумбы,
Сто ворот распахивают рты.
Ветер с крыш:
Над морем ржавой умбры
Смят и прорван парус темноты...

Я бросаю радостные клады
Фонарей —
как нитку янтаря —
За печальный час твоей прохлады,
Эос, розоперстая заря!

* * *

Я так давно не видел солнца!
Весь мир запутался в дождях.
Они — косые, как японцы —
Долбят асфальт на площадях.

И, сбросив с крыш кошачьи кланы
Искать приюта среди дров,
Морские пушки урагана
Громят крюйт — камеры дворов.

ПРЕДРАССВЕТНОЕ ПРОБУЖДЕНИЕ

Час чердачной возни:
То ли к дому спешат запоздалые мыши,
То ли серые когти
Рассвета коснулись стены,
То ли дождь подступил
И ломает стеклянные пальцы
О холодный кирпич,
О худой водосток,

О карниз.
Или просто за тридевять стен
И за тридесять лестниц
Скучно звякнула медь,
Кратко щелкнули дверью —
Незнакомый поэт
На рассвете вернулся домой.

13.03.59

НОКТЮРН

*Здесь погребен Фаэтон — колесницы
отцовской возница —
Хоть коней не сдержал, но дерзнув
на великое, пал он.*

Овидий «Метаморфозы»

Вопросам сумрачным в ответ
Рождаясь из огня,
Летит оранжевый рассвет
На голубых конях.

Залитый в солнечную бронь,
На полдень он спешит
В страну, где умер Фаэтон,
Поднять его на щит.

И я хочу, про все забыв,
В твоём огне сгореть,
Чтоб, не сумев прекрасно — быть,
Прекрасно умереть.

* * *

Напрасно твердят соседи,
Что больше выходит дров,
Что прозелень лунной меди
Растет от сырых ветров.

Что слишком унылой нотой
Трубит ночной дымоход,

И облачные длинноты
Скрывают от глаз восход.

Не веря досужим сплетням,
Звенит за окном апрель,
В преддверии зноев летних,
В твоих бубенцах, капель!

И утро свежо и ало,
И тянутся допоздна
Зеленым ростком вокзалов
Весенние поезда.

А если брюзжат соседи,
Они не со зла — со сна!
Им очень легко ответить,
Но пусть говорит весна!

* * *

Платье вымокло в тумане,
А в глазах — следы луны,
Только сердце не обманет:
Не луной глаза полны.

В час, когда ложатся тени
И на свете мы одни,
Как цветы ночных растений,
Раскрываются они.

* * *

Весна на улице давно,
И солнце по утрам
Звенит лучом в мое окно,
Открытое ветрам.

Глазами солнечных зеркал
Весь город освещен.
И голова моя — бокал,
Невыпитый еще..

И я, отныне — навсегда
Пою лишь об одном,
О том, как плещется вода,
Синея под окном,

И что стеклянная река,
Как колокол, звонка.

Апрель 1954

ПРИХОД ВЕСНЫ

Под утро снега посерели,
Метели набухли водой,
И первая нота капли
Ударилась в лед-голубой.

И вслед ускользящей ночи
В тумане качнулся фонарь,
Как будто желая помочь ей
Продлить надоевшую старь.

ВЕСНА

1

Говорят, вчера темнели крыши,
В теплом ветре плакали сады,
А сегодня шум неясный слышен
От снегов родившейся воды.

Ждали птиц в синеющие дали,
Говорили: скоро прилетят,
И на рынке вербы продавали
С шелковыми лапками котят.

2

Серебристым горохом по стеклам
Ветер бросил трамвайный звонок,
По прозрачным, оттаявшим, мокрым,
Звонкой горстью весенних тревог.

Тонко плакали синие льдинки,
А в глазах — синева, синева!
И текли голубые слезинки,
И кружилась слегка голова.

Радость плещется юрким галчонком:
Даже здесь, у меня за стеной,
Распевала куплеты девчонка
И себя называла весной.

3

Прочиталось в лужах, под трамваем:
Скоро, скоро кончится зима.
Я не знаю, знали иль не знали
Это отсыревшие дома.

Но в саду расплакались деревья:
Не от боли — просто таял снег,
И большие голубые перья —
Облака — тянулись через век.

4

В весенних оранжереях
Под маской зеркальных окон,
Растут цветы, тяжелея,
От меди лунных потоков.

В больших плетеных корзинах
Они, созрев, засыпают
И долго спят в магазинах,
А я их там покупаю.

Еще задолго до лета
Их летним звоном встревожен,
И песни мои за это
На них так смешно похожи.

УТРО

1

Говорят, вчера темнели крыши,
В теплом ветре плакали сады,
А сегодня шум неясный слышен
От снегов родившейся воды.

Ждали птиц в серебряные дали,
Говорили: скоро прилетят!
И на рынке вербы продавали
С шелковыми лапами котят.

2

Я проснулся рано на рассвете,
А восток пестрее петуха,
Легкие унес куда — то ветер
Тучи — разноцветные меха.

На зеленый камень тротуаров
Вышел март в трамвайных бубенцах —
В переулке звонком, как гитары,
Рельсы — точно струны, без конца.

3

На заре расцвел, поднявшись из — за моря
Алый шелк развернутых знамен,
В сотни окон вызолочен город
У Невы, коленопреклонен.

И, когда лететь по следу ночи
Из — за крыш бросается гудок —
Тоньше, чем хрустальный колокольчик,
На панелях утренний ледок.

Чей — то пес, под окнами зевая,
Теплые развесил лопухи,
Полные серебряного лая
И другой собачьей чепухи.

4

Вот и все, конец февральской стуже,
 Под ногой чугунных фонарей
 Расцвели оранжевые лужи,
 Как осколки утренних морей.

В желтых бликах солнечного света
 Спит канал, сверкая чешуей —
 Мне сегодня скучно без привета
 Девочки красивой и смешной.

АПРЕЛЬСКАЯ ПОЭМА

Песнь 1 (бульварная)

*Где-то темно и глубоко
 Неба открылся клочок,
 Ветер принес издалека
 Песни весенней намек.*

А. Блок

Серебристым горохом по стеклам
 Ветер бросил трамвайный звонок,
 По прозрачным, оттаявшим, мокрым,
 Звонкой горстью веселых тревог.

Только плакали теплые льдинки,
 А в глазах — синева, синева!
 И текли голубые слезинки,
 И кружилась слегка голова.

Радость плещется юрким галчонком...
 Даже здесь, у меня за стеной:
 Напевала куплеты девчонка
 И себя называла Весной.

Ах, бедняжка, наверно, не знала,
 Что Весною была не она...
 А быть может и правду сказала,
 Что она для кого — то весна?

На промокшем вечернем бульваре
Продавала девчонка шары,
С позолотой на розовом шаре
Нарисованной в сердце стрелы.

Эта радость в бульварных куплетах
Понял я, отчего, наконец,
Лишь увидел: на стрелке надеты
Как на вертеле, пара сердец.

Песнь 2. Сон

(Моя весна)

Не придет, но, может быть, приснится,
Так светла и так же далека,
А над ней взрываются зарницы,
Проплывают дымом облака...

Озорной и опьяневший ветер
Из садов темнеющих занес
Лепестки невиданных соцветий
В шелковое золото волос...

Только Грезой склонится к поэту;
Звездно — звездно станет в тишине,
Необычной ласкою согретый,
О любви скажу ей в полусне.

Как — то станет строже и тревожней,
Волосы откидывая прочь,
Приласкает молча, осторожней
Уходя в трепещущую ночь.

* * *

Не придет, но, может быть, приснится,
Так светла и так же далека,
А над ней взрываются зарницы,
Проплывают дымом облака...

Озорной и опьяневший ветер
Из садов темнеющих занес

Лепестки невиданных соцветий
В шелковое золото волос.

Но как только ночь придет в больницу,
Я в бреду ее не узнаю —
Девочку, которая мне снится,
Золотую звездочку мою.

А она приходит осторожно
И садится рядом на кровать.
И так хочется ей сон тревожный
От упрямых глаз моих прогнать.

Собирает бережной рукою
Лепестки неконченных поэм.
И полна бессильною тоскою,
И укор в глазах глубокий и нем.

Плачет надо мной, совсем погибшим,
Сброшенным в бездарнейшую грусть...
А себе я снюсь бездомным нищим
И чему — то страшному смеюсь.

И всю ночь летят куда — то птицы,
И не знаю, как она близка.
Безнадежно опустив ресницы,
Я зову ее издалека.

* * *

Весенний минуется праздник,
И снова в дремоте ночной
Я полон певучей боязни
За город, построенный мной.

И кровью закатов вчерашних
Наполнились темные рвы.
Качаются стройные башни
На небе полночной весны.

Коледблется призрачный город,
Как синие тени в саду.
В мерцающем синем уборе
Я жду до рассвета беду.

ДИАЛОГ

— Ничего на свете не изменится,
Только дамы будут изменять.
Паладин, купите индульгенции,
Вас они для рая сохранят.

Все грехи за золото прощаются,
А влюбленный, Каина грешней,
Воображает, глупый и страдающий,
Что девчонка — золота нежней.

— О монах! Влюбленность безответную
Не спеши от лжи предостеречь.
Я друзей для женщины не жертвовал,
Не поднял в ее защиту меч.

Назову ль божественной любимую,
Подниму ли в честь ее копьё?
Если звезды ярче взора милого,
А заря алее губ ее.

В целом мире, от любви помешанном,
Не обнимет деву паладин,
Если вздох ее — не ветры вешние,
И другим она — теплее льдин.

— Ничего на свете не изменится,
А попы любую ложь простят.
Покупайте, рыцарь, индульгенции,
Вас они для рая сохранят.

26.6.53

* * *

Не первый я люблю на свете,
Не первый слышу я в ответ,
Что может девушка ответить
На посвященный ей сонет.

Ей стих размеренный приятен,
Певуч, изыскан и остер,

Но точно так он непонятен,
Как мне — языческий костер.

Что ей с терпением и тактом
Проникший в жизнь из мира книг
Мой слишком, может быть, абстрактный
И слишком скованный язык.

Когда о призрачных обетах
Я говорю ей среди дня
И о героях с правом «вето»,
Поймет ли девушка меня?

Поверит ли, что в поединке
Я ранен был и весь в крови,
И даст ли в сердце таять льдинкам
В огне неведомой любви...

А я, зовущийся коротким
И гордым именем «поэт»
Смогу ли вежливо и кротко
Из уст ее услышать «нет»?

* * *

Не первый я люблю на свете,
Не первый слышу я в ответ,
Что может девушка ответить
На посвященный ей сонет.

Ей стих размеренный приятен,
Певуч, изыскан и остер,
Но точно так же непонятен,
Как мне — языческий костер.

И знаю я: еще не скоро
Увидит милая во сне,
Каким мучительным укором
Богаты песни о весне.

Но о минувшем вспомнив лете,
Она прочтет созвучья эти.

Июнь 1953

* * *

На каменном дне океана
Вдали от знакомых людей,
Не знал я, залитый туманом
В тарелке ночных площадей,

Что скука моих одиночеств,
Испепелив сердце мое,
Еще смертоносней отточит
Твое золотое копьё.

Не знал я, тебе не поверив,
Своей непокорной судьбе,
Что иней на ветках деревьев —
Лишь слезы мои о тебе,

Что, спутницы темной печали,
Тобою лишь песни звучали.

30.06.53

* * *

Я не знал, отчего проснулся,
И печаль о тебе легка,
Как над миром стеклянных улиц —
Розоватые облака.

Мысли кружатся, тают, тонут,
Так прозрачны и так умны,
Как узорная тень балконов
От летящей в окне луны.

И не надо мне лучшей жизни,
Лучшей сказки — не надо мне:
В переулке моем — булыжник,
Будто маки в полях Монэ.

* * *

Когда на улицах вечерних
Прохожих душит темнота,
К тебе на древних изреченьях
Летит покорная мечта.

Забыв воинственные клики,
На смерть зовущие живых,
Хочу тонуть смущенным ликом
В глазах рассветной синевы.

Пускай смеются надо мною,
Я больше всех тебя люблю,
Пока оливковой луною
Облиты тени на полу.

Спешి услышать. Ночь проходит.
Зевают дальние рога,
Когда на огненном восходе
В змею совьются облака, —

Иным велениям покорный,
Я выйду в утренний туман,
Туда, где поднял парус черный
Из гроба вставший Капитан.

А все, что было на закате,
Чем сказка древняя нова,
Пускай хранят в твоей тетради
Мои любимые слова.

24.03.54

* * *

Легки тревожащим безвестьем
Как на рассвете — синий дым,
Тобой навеянные песни —
Арго, невнятное другим.

Пускай назад закрыты двери,
Но никогда не прокляну

Тот час, когда, тебе поверив,
Я бросил синюю страну.

И нет мне радости певучей,—
Тоску по дальним берегам
Сковать в звенящие созвучья
И бросить их к твоим ногам.

Когда же ты, пресытись сказкой,
Уйдешь к другому, наконец,
Я на колпак пришью дурацкий
Стеклянно — звонкий бубенец.

И в час, когда, наскучив балом,
Придешь грустить на спящий пруд,
Тебя смешить закатом алым
Я стану, твой любимый шут.

Не огорчит усталым видом,
Забыв про собственную боль,—
Паяц, не знающий обиды,
Былой страны — былой король.

26.3.54

* * *

Луна все выше и бледней,
Заря близка,
Легка печаль весенних дней,
Печаль легка.

О чем она? — Не знаю я.
О чем она?
Скажи мне, ты, весна моя,
Моя весна.

Блестит, горит в цветах роса
И там и тут.
Но для меня твои глаза
Одни цветут.

У моря синего на дне
Нашел их я,

Ты радость утренних огней,
Печаль моя.

* * *

Наверное, понял я сразу,
Когда, как сорвавшийся стон,
Хрустальными брызгами вазы
Разбился тоскующий сон,

Что ты полюбила другого,
И только жалея меня,
Звнящее бросила слово
В закат отцветавшего дня.

Как будто ребенку больному,
Готовому броситься в плач,
За каждую ложку бульона
То гномика дарят, то мяч.

Но день, как монета, истертый
И тусклый, не смог я забыть:
Рожденный любить терракоты,
Я мрамор посмел полюбить.

17.04.54

ПОМНЮ

Сестрорецк, А. Б.

Все изукрашено росами:
Сосны, террасы и ты.
Ночь от туманов белесая,
Волосы, руки, цветы.

Желтые фары автобуса,
Синий асфальт автострад,
Взгляды — игрушечней глобуса, —
Я уезжаю — и рад..!

Рад, что не любишь, а ласковой,
Сказочной стала на вид,

Рад, что сердитой гримаской
Скроешь усталость и стыд.

* * *

Мне с площади, как бочка, гулкой,
Где в лужах — все цветы востока,
Видны над щелью переулка
До блеска вымытые окна.

Куда, бледнеющий от муки,
Иду просить любви и битвы,
Несмело простирая руки,
Как пращур мой в часы молитвы.

У самой робкой и тревожной,
В глазах таящей сны и иглы,
Спросить легко и осторожно:
Меня не сможешь полюбить ли?

НОКТЮРН

Солнце, упавшее в море,
Медленно гаснет на дне,
Ночью фарфоровый город
Дремлет при полной луне.

Ты никогда не знала,
Сколько томительных грез
Будится в водах канала
Светом мерцающих звезд.

— В каменной — лунной долине,
Ночью туманы легки, —
Тихо своей Коломбине
Лунный поет Арлекин.

Май 1954

НОКТЮРН

(ТОСКА)

Когда перестанет осенний закат кровоточить,
И синими станут домов покрасневшие стены,
Я окна раскрою в лиловую ветреность ночи,
Я в двери впущу беспокойные серые тени.

На ликах зеркал, драпированных бархатом пыли,
Удвою, утрою арабские цифры тревоги.
И в мерно поющей тоске ожидания милой
Скрипичной струной напрягутся ночные дороги.

Придешь — и поникну, исполненный радости мгlistой,
Тебе обреченный, не смея молить о пощаде, —
Так в лунном саду потускневшее золото листьев
Дрожащие звезды лучом золотым лихорадят.

* * *

Приходящая в день настоящий,
Не бывала так чудно ясна,
Королева снежинок блестящих,
Или фея из детского сна.

Вспоминая о сказочном чуде,
Мне не верить ли в бред голубой,
Увидав, что какие — то люди
Говорили спокойно с тобой?

И решив, что сбываются сказки,
Я понять одного лишь не мог —
Почему задремавший от ласки
Твой оранжевый кот — без сапог.

МАЭСТРО

Полупьяное форте ресторанных оркестров
Говорит о свободе, воспевает любовь.
Пусть пропойцам неловко — лишь в трактире и место
Говорить о желанье, отравляющем кровь.

От печали смеются, и от радости плачут.
Только умный и трезвый опечален швейцар:
Он — то знает давно, он — то понял, что значит,
Если кануло сердце, засыпая, в угар.

Черным вороном реет над толпою маэстро,
И забытые грезы собираются вновь...
О, фальшивое форте ресторанных оркестров!
На могиле свободы расцветает любовь!

8.5.54

* * *

На оградах вспыхивает утро,
«Тонкие поют колокола» —
В улицах, мощенных перламутром,
Тени розоватого стекла.

Юркие и маленькие гномы —
Заняты прозрачною игрой.
Я пришел на голос их знакомый
Яркою и ветреной порой.

И светло их легкое круженье,
И покорен я своей судьбе,
Одного прося лишь разрешенья, —
Умереть, тоскуя о тебе.

Где рассвет склонил свои знамена
К облакам из розовых снегов,
Как поэт, коленопреклоненный
Возле ног возлюбленной его.

* * *

Ты совсем такая же, как прежде —
 Как мечта привычная легка,
 И летят края твоей одежды
 Крыльями большого мотылька.

И опять цветами белой ночи
 Рассыпая звездные огни,
 Голубой китайский колокольчик
 В небесах фарфоровых звенит.

Где рассвет, склоняющий знамена
 К облакам из розовых снегов,
 Как поэт коленопреклоненный
 Возле ног возлюбленной его.

8.05.54

* * *

Я в цветок тебя превращу,
 Хочешь? — Смотри.
 Видишь? Уже не струны
 Волосы твои, —
 (Волосы — струны — листья...)
 Глаза уже не озера —
 Долины, полянки,
 Хочешь, в них расцветут
 Ночные фиалки.

Руки уже не крылья —
 Стебли —
 Качаясь,
 Белым стихом ладони
 Их расцветают.

Ты не жалея,
 Я не жалею,
 Белый цветок
 Утро согреет.

12.5.1954

* * *

Ты сегодня, как звездочка снежная,
Или роза, упавшая в кровь —
Осторожная, бледная, нежная...
И я знаю: уходит любовь.

Но ты думаешь в это мгновение,
Преодо мною, как утро, чиста,
Будто ты для меня неизменна.
Но соскучился я и устал.

И тревожно, как ночь эта белая,
Мной измятое, платье шуршит —
О, запомни надежды несмелые
Уходящей в былое души.

Нет. Чуть солнце, взойдя над балконами,
Искушается в синих ветрах,
Ты не вспомнишь, уже непреклонная,
Свой недавний, мучительный страх.

13.05.54

* * *

Сегодня вечер горяч не в меру,
И сны сегодня тобой полны...
Опять Флоренция ждет холеру,
Целует облак плечо луны.

И гибнут люди, а мы с тобою,
С друзьями вместе и без рабов,
Веселой, пестрой шумим толпою,
Читая сказки в долине По.

И будто ты сегодня царица,
И мне велела начать рассказ
О том, что в мире больном творится,
А я исполнить не мог приказ.

И ты сказала: Ну, что ж! Не надо,
Давно добыча нужна гробам,

И мне велела подсыпать яду
В вино послушным своим друзьям.

Тянулась туча, как черный вымпел,
Луна послушно несла свой крест.
Я знал об яде, но чашу выпил,
И был отравлен, и сон исчез.

* * *

Звездами далекими дрожали
Ветерки в саду твоих ресниц,
Снова звуки белого рояля
За окошком испугали птиц.

И опять сказать мне захотелось,
Что тобой измучен я и пьян, —
Звонкие осколки кампанеллы
Уронив в вечерний океан.

Жаль, прозрачный незнакомый танец,
Для тебя не мной написан был:
Полубог, скрипач и итальянец
Никого на свете не любил.

Он пугал презрительной улыбкой
Женщин, преклонявшихся пред ним,
И ему признательная скрипка
Радужные сеяла огни.

А моя заброшенная муза
Верности не знала никогда,
И за это стих прескучный грузом,
И за то я плачу иногда,

Я грущу, но что тебе за дело,
Ты светла, тебе чужда печаль —
Колокольчик быстрой кампанеллы
Звонюк, как надтреснутый хрусталь.

* * *

Снова осень одела сады
В драгоценный тяжелый наряд,
И, как вестники близкой беды,
Утомленные листья летят.

И томит непонятная грусть
Оттого ли, что ты холодна,
Оттого ль, что за гранями туч
Золотая полоска видна.

Вечер крылья свои распростер,
Вечер лаской коснулся ресниц,
Чтоб не видел тоскующий взор
На закат улетающих птиц.

Но туманом окутанный лес
Бредит призраком новой весны,
И хрустальную чашу небес
Переполнили синие сны.

* * *

Как прекрасны сады, умирая!
Только птицы там гнезд не совьют
Там усталые ветры летают
И холодные песни поют.

Что любви не бывать без предела,
Без конца никогда не бывать,
Что она никогда не умела,
Умирая, на помощь не звать...

Ах, когда бы она уходила
При расцвете своей красоты,
Как бы смог я не помнить о милой! —
Только это не знала бы ты...

* * *

От сожженного осенью сада
По ночным площадям уходя,
Горький ветер играл серенаду
На стеклянной гитаре дождя.

Я хотел научиться у ветра
Ни о чем никогда не грустить,
Чтобы алые розы рассвета
Для тебя по утрам приносить.

Чтобы самые чистые краски
В небесах предрассветной поры
Превратить в несравненные сказки,
Посвящая тебе, как дары.

* * *

Весенние ветры
Проснулись в лесу,
Я розу рассвета
Тебе принесу,—

Огромную розу
Веселой весны,
В ней яркие звезды
Холодной росы.

За утренним морем,
Где синяя мгла,
Как вешние зори
Она расцвела.

Вставай, чтобы вместе
Встретить зарю —
Я алую розу
Тебе подарю.

* * *

Помнишь, ты приходила ко мне,
И снежинки в твоих волосах
Были ярче чудесных камней,
Ярче звезд загорались глаза.

Помнишь, ты приходила ко мне,
За окном затихала пурга,
И мерцали в волшебном огне
На синеющих крышах снега.

Как любили остаться одни,
Как мечтали, что счастье придет...
А теперь за окошком моим
Только зимняя вьюга поет.

Я живу и надеждой одной,
Что недолгою будет беда,
Ты придешь — и твой голос родной
Скажет мне, что теперь — навсегда!

* * *

Но в небе огромные розы
Цветут, поднимаясь от сна,
Блестящие выпали росы,
И верю: вернется весна.

Пусть плачут промокшие галки,
Увидишь, настанет тот час:
Как будто ночные фиалки,
Распустятся звезды для нас.

За морем проснутся зарницы,
Растопят стеклянные льды.
И ветер, как синяя птица,
Ворвется в сырые сады.

Блестящие выпали росы.
И верно: вернется весна —
Я самые алые розы
Увижу в твоих волосах.

* * *

С невозможной мечтой о счастье
Я стою на пороге дня,
Где она, как солнце, прекрасна,
Но она... не любит меня.

Пусть мечтами ритмов могучих
Мне весь мир легко покорить —
За бесценный жемчуг созвучий
Лишь ее одну не купить.

О, суровы любви законы!
Изменить мне их не дано —
За оградой ее балкона
Знаю: мне умереть суждено.

* * *

Любовь, легенда, мелодрама.
Несчастней всех кавдорский тан.
Острее всех ехидный Брама,
Нежней — тоскующий Тристан.

Любовь мертва, она несчастна.
Была — несчастна и жива,
Легка, стыдлива и прекрасна,
И непонятна, как слова.

Она — Валькирия, Лаура,
Сирена, Облако, Цветы —
Она мертва. Приходишь ты,
Умней блистательного Мура.

8.7.54

* * *

Неужели, впрямь, свершилось
То, о чем мечтал весь мир? —
Ах, она в меня влюбилась!
Я один ее кумир!

Ничего, что мало мочи,
Пусть неделю к ней жесток —
Платонические ночи
Для нее сплошной восторг.

Позову — тотчас готова,
Захочу — смирят страсть,
Занят я — она ни слова,
В тот же миг куда — то шась!

За нее ручаюсь смело.
Коль случится изменить,
То изменит только телом,
Но душою — ни — ни — ни!

8.07.54

* * *

Опять о пики колоколен
Горячей тенью рвется ночь.
И снится мне: я очень болен,
И ты пришла, чтоб мне помочь.

Рыдает небо в спящий город,
И за звездой летит звезда
На серебристые озера —
Твои бездонные глаза.

А мне ничем уж не поможешь,
И вянет тоньше лепестка
Моя шагреневая кожа
В твоих тоскующих руках.

Полны томительною грустью
Твои весенние духи,
Зовя от странных грез очнуться
И перестать писать стихи...

Но мне смешна твоя тревога —
Один в сверкающем аду —
Я сын и внук распявших Бога.
В безвестных сумерках иду.

И так всю ночь: не зная брода,
 По пояс в лунной синеве —
 Осколок проклятого рода
 С горячкой ритмов в голове.

* * *

Когда сквозь пики колоколен
 Горячей тенью рвется ночь —
 Никто в предчувствиях не волен,
 Ничем друг другу не помочь.

— О, ритмы древних изречений!
 — О, песен древняя тщета!
 Опять на улицах вечерних
 Прохожих душил темнота.

Раздвинув тихие кварталы,
 Фонарь на площади возник:
 Луна лелеет кафедралы,
 Как кости мамонта — ледник.

— Кто б ни была ты — будь со мною!
 Я больше всех тебя люблю,
 Пока оливковой луною
 Облиты тени на полу.

Пока не встанет у порога,
 Зарю венчая, новый день —
 Я — сын и внук распявших Бога —
 Твоя бессмысленная тень.

* * *

О тебе тосковать мне отрадно.
 Только знаю, и знаю давно:
 Душу Индии с телом Эллады
 Сочетать никому не дано.

Дымно — белой метельной землею
 Стонет звездное золото вьюг.
 Не души меня смуглой петлею
 Из прохладно — тоскующих рук.

Неужели в беззвездной дороге
Метеором тревожным гореть
Суждено ироническим богом,
Чтоб в объятьях твоих умереть?

* * *

Я был осторожным и серым
Булыжником улиц кривых,
И, дни принимая на веру,
К их звонкому шагу привык.

Как свечи огромного храма,
Мерцая в пустой тишине,
Горели безмолвно и прямо
Созвездия мыслей во мне.

И были привычные думы
Как в ловких руках бумеранг,
Чертивший кору полнолуний
Закатами солнечных ран.

Но вестником дальнего горя,
Одетым в сверкающий лед,
В привычные звездные хоры
Твой яркий ворвался полет.

И песне грустить недопетой,
Блуждая в чужих голосах.
Зачем появилась комета
На тихих моих небесах?

1954

БЕЛАЯ НОЧЬ

Ночью небо чуть — чуть побледнеет,
И лиловая дымка в садах
Заклубится и снова исчезнет,
Словно облако в теплых ветрах.

И о чем — то далеко — далеко
Напеваает гранитам приборой...
О какой — то звезде светлоокой,
Об улыбке ее золотой.

Все затихло, на улицах пусто,
И погас серебристый фонтан,
До утра одному слишком грустно,
Слишком много наваял туман.

Приходи, покажу, как играют
Ночью звезды с зеленой волной,
Расскажу, как горит, не сгорая
В сердце пламень, зажженный тобой.

Я спою тебе новую песню,
В мире лучше ее не найти,
В ней слова всех на свете чудесней,
И они для тебя — приходи.

БЕЛАЯ НОЧЬ

Чуть небо становится блеклым
И тени на крыши сойдут, —
Каналы, как темные стекла
В объятиях город сожмут.

И бродит под куполом ночи
Луна голубая, тиха,
Как будто невеста, и хочет
Найти своего жениха.

май 54.

* * *

Вы так медлительны с ответом,
А я так верен клятве ждать,
Что всякий раз перед рассветом
Один ложусь в кровать.

Я знаю, выдадут по злобе,
Меня желая очернить,

Святую к верности способность
За неспособность изменить.

Все ложь — тому порукой ветер,
Он знает, милая моя,
Что первый ветреник на свете
Из всех живущих — я.

* * *

Как сотни раз, опять у вас
В глазах я вижу слезы.
И вы хотите в сотый раз
Поговорить серьезно.

— Ну что же, милая моя,
Готов я слушать вечно,
Пусть ветрен я, пусть гадок я,
Но я не бессердечен.

И я клянусь и светом дня,
И мраком темной ночи:
«Кто любит более меня.
Тот вряд ли жить захочет».

* * *

Я не боюсь показаться странным,
Странен, мне кажется, тот, кто, любя,
Тысячи слов, болящих, как рана,
В звучный сонет не сложил для тебя.

Или он прав, и не в этом счастье?
Или, быть может, возлюбленный твой
Должен не тратить слов понапрасну,
Как настоящий герой?

Или душа моего кумира —
Только лишь копия с вашего мира,
Мира, в котором один — чтобы петь,
Тот — открывать чудеса мирозданий,
Третий — иными делами греметь,
В общем — творить сообразно с призваньем.

* * *

Изнемогла под тяжестью метафор
И гнетом превосходных степеней
Моя любовь, прекрасней древних амфор,
— Вся скорбь земли не превзойдет моей!

Торжественная скука песнопений
Музейной рамой тяжко налегла,
Моя любовь померкла от сравнений,
Как от туманов меркнут зеркала.

14.02.60.

* * *

Я не забыл вас, нет, я очень
Больше чем прежде, вас люблю,
Только мне страшно поверить ночи,
Что же случилось, скажите, молю.

Свет ли лунный навеял грезы,
Сон ли горький тяжел, как дым,
Что привело вас под эти звезды,
В место, любимое мной одним?

Просто взглянуть.
Понятно.
Знакомый,
Старый поклонник, к тому ж поэт...
Здравствуйте, милая, будьте как дома.
Что вам угодно? Автограф? Сонет?

Любите? — Знаю, мне мальчик этот
Очень знаком и очень мил.
Вы говорите, он стал поэтом,
Пишет стихи, а про вас забыл?

* * *

Я к себе не пушу почтальона,
Не открою тяжелую дверь,
Только листья осеннего клена
Я без скуки читаю теперь.

Нет глупее почтовых рассыльных,
Стережущих меня под окном,
С пересыпанным бархатной пылью
От недель пожелтевшим письмом.

Не ходите ко мне, почтальоны,
Не тревожьте звонками дома,
Эти буквы в конверте зеленом
Никогда не теряли ума.

Я сниму опустевшую дачу
И уеду на Финский залив —
Эта девушка только заплачет.
Но совсем не умрет от любви.

Не ходите ко мне, почтальоны,
Не стучите в тяжелую дверь.
Только листья осеннего клена
Я без скуки читаю теперь.

* * *

Читая старые стихи,
Я не скорблю о днях счастливых,
Что, так прозрачны и легки,
Сверкают в рифмах торопливых.

На потемневшие листы
Я только раз взглянул с печалью,
Когда напомнили они
О друге искреннем и дальнем.

* * *

С сердцем темным и ненастным
Я пришел к вам, ювелир.
В этом сердце, милый мастер,
Похоронен дивный мир.

Глуше темных переулков,
Надоевшее давно,
В синем бархате шкатулки
Пусть лежит у вас оно.

А когда придет к вам, мастер,
Та, с тревожащим лицом,
Сердце, полное несчастья,
Вы оправьте ей в кольцо.

Пусть она о том не знает,
Что не с камнем дорогим —
На руке кольцо сверкает,
Ей подарено другим.

В сером жемчуге несчастья —
Неразделенная жизнь.
Эта шутка, милый мастер —
Мой единственный каприз.

* * *

Рожденный осенней клоакой,
Мерзавцем, не знающим чести,
Я сдохну бродячей собакой
Под окнами бывшей невесты.

Весь день, невзирая на лето,
Она не откроет окошка,
Наверное, думая: это
Воняет убитая кошка.

Тогда — то душа, что скорбела
Позором своим втихомолку,
Вселится в точеное тело
Стремительно — легкого волка.

Где мхи, голубые, как утро,
Из теплой земли вырастают,
Роса обольет перламутром
Мою быстроногую стаю.

А городом темных бесчестий
Промчатся трусливые толки,
Хотя и гнушаются мести
Могучие гордые волки.

* * *

Ночью глухой и метельной
Спрячусь за старый фонарь:
Пусть сторожат меня тени —
Сонная злая бездарь.

В дом, навсегда опустевший,
Я все равно не вернусь,
Буду далекий, нездешний —
Быстро забудется грусть.

Только взгляну сквозь ресницы
В тусклые блестки окна:
— Спишь... и, наверное, снится
Радостный сон про меня.

Но, мимо глаз пролетевший,
Зря тебе, милая, снюсь —
В дом, навсегда опустевший,
Я все равно не вернусь.

* * *

Не будьте ко мне безответны,
Подайте тоску превозмочь,
Сырые, холодные ветры,
В туманы одетая ночь!

Где молча сады умирают
В плену золоченых оград,
И серые звезды, упав, догорают
На листьях блистающих лат.

Где меркнет осеннего клена
 Коптящая небо свеча...
 Не встать никогда легионам...
 О прошлом тоска — горяча!

3.03.54

ИДУЩИЕ

В блестящий сферический воздух,
 Тяжелый стеклянный объем —
 Осенние белые звезды
 Восходят — был пуст окоем.

Не будьте ко мне безответны,
 Подайте тоску перевозмочь.
 Сырые, холодные ветры,
 Туманом политая ночь!

Где стяг вечерового клена,
 Как бронзовый парус, раздут —
 Не встать никогда легионам,
 Но люди — идут и идут...

* * *

Не будьте ко мне безответны,
 Подайте тоску перевозмочь.
 Сырые, холодные ветры,
 Туманом политая ночь!

.....
 В плену золоченых оград,
 И серые звезды, упав, догорают
 На листьях сверкающих лат,

Где меркнет осеннего клена
 Коптящая небо свеча —
 Не встать никогда легионам —
 О прошлом тоска горяча!

Но в час вечеровой молитвы
Доспехи на впалой груди
Я снова готовлю для битвы,
Как будто не все — позади!

* * *

Я люблю по следу ночи
С боем башенных часов
Пролететь со сворой гончих
Золотисто — рыжих псов.

— Слышишь? — В лунном бездорожьи
Рвут копыта лошадей
Отупевшие от дрожи
Барабаны площадей.

Пестрый смерч ночной погони,
Ужас загнанных зверей,
Меловые миллионы
Легионов фонарей.

Пляшут тени — недотроги,
В море света, море слез —
Мертвой хваткой у берлоги
В глотку ночи — красный пес.

И кинжалы — как стрекозы, —
Крылья высушенной руки...
Над могилой ночи — розы,
Как собачьи языки.

И рассвет встает несмело
Холод старческий пролить
На трепещущее тело
Обещанной земли.

11.6.54

Где меркнет осеннего клена
 Коптящая небо свеча...
 Не встать никогда легионам...
 О прошлом тоска — горяча!

3.03.54

ИДУЩИЕ

В блестящий сферический воздух,
 Тяжелый стеклянный объем —
 Осенние белые звезды
 Восходят — был пуст оком.

Не будьте ко мне безответны,
 Подайте тоску перевозмочь.
 Сырые, холодные ветры,
 Туманом политая ночь!

Где стяг вечерового клена,
 Как бронзовый парус, раздут —
 Не встать никогда легионам,
 Но люди — идут и идут...

* * *

Не будьте ко мне безответны,
 Подайте тоску перевозмочь.
 Сырые, холодные ветры,
 Туманом политая ночь!

.....
 В плену золоченых оград,
 И серые звезды, упав, догорают
 На листьях сверкающих лат,

Где меркнет осеннего клена
 Коптящая небо свеча —
 Не встать никогда легионам —
 О прошлом тоска горяча!

Но в час вечеровой молитвы
Доспехи на впалой груди
Я снова готовлю для битвы,
Как будто не все — позади!

* * *

Я люблю по следу ночи
С боем башенных часов
Пролететь со сворой гончих
Золотисто — рыжих псов.

— Слышишь? — В лунном бездорожьи
Рвут копыта лошадей
Отупевшие от дрожи
Барабаны площадей.

Пестрый смерч ночной погони,
Ужас загнанных зверей,
Меловые миллионы
Легионов фонарей.

Пляшут тени — недотроги,
В море света, море слез —
Мертвой хваткой у берлоги
В глотку ночи — красный пес.

И кинжалы — как стрекозы, —
Крылья высохшей руки...
Над могилой ночи — розы,
Как собачьи языки.

И рассвет встает несмело
Холод старческий пролить
На трепещущее тело
Обещенной земли.

11.6.54

* * *

Пустынные улицы мглисты,
А ветер осенний певуч,
Поблекшие вешая листья
На туго натянутый луч.

У осени — медные луны,
А лунная зелень горька —
Зеленые горькие струны
Ночами висят с потолка.

В звенящие ночи не спится,
Луна заливает постель,
В глазах небылица клубится,
В окне — золотая метель.

* * *

Бьют часы —
Часы и половины —
Вечный плач разящих мимо стрел.
День прошел тяжелым исполином,
Желтый пепел вечера сгорел.

Дырами небесных подворотен
Лысые поднялись купола,
И трамвай на дальнем повороте
Прозвенел, как старая пила:
— Бьют часы!

Полет луны шафранной,
Одиноким, сдерживать не нам!
В шкуре лунной — шкуре барабанной —
Не остаться нашим письменам.

За окном, закованным в железо,
Где замок тугой, как самострел,
Бродит страх, безрадостный, как бездна,
Вечный страх разящих мимо стрел.

НОЧНАЯ ПЕСНЬ

По тучам, по звездам в остывший закат
Вечерние птицы летят,
А городом, вставшим по пояс в луне,
Косматая полночь на черном коне
Едет. Едет. Едет.

Где дремлют сады, ожидая весну,
Где вечер их клонит ко сну —
По звонкому холоду каменных плит
Не искры, не искры летят от копыт —
Звезды. Звезды. Звезды.

По лунному городу полночь спешит —
И лунный в руках ее щит.
И, глядя в него, засыпают дома,
И, к ним наклоняясь, уснула сама —
Полночь. Полночь. Полночь.

ИМПРОВИЗАЦИИ

1

Ранний звонок трамвая
Ищет начало дня,
Песня едва живая, —
Спасение у меня.

Песня роняет звуки,
Звезды — ее кольцо,
Легкие бросив руки
Всплесками мне в лицо.

2

Милая, ты полна
Лунного яда,
Что же тебе, Луна,
Что тебе надо?

Я от тебя дрожу,
Я ли виною,
Завтра я уйду,
Ты не со мною?

— О, не дрожи,
Руки твои, как птицы!
Их положи
Мне на ресницы.

НА МОТИВ ГУМИЛЕВА

(из дневника девушки)

У меня не живут цветы,
Май не любит ночных видений.
О слепые мои кроты,
Неотвязные мысли — тени!

Рождены одноликой тьмой,
Расцветают больные грезы...
Я вчера принесла домой
Золотую, как сон, мимозу.

Как звенящую стрекозу,
На окно посадив ночное,
Оттенила ее желтизну
Осторожной, как мышь, свечою.

Чтоб смеяться им на ветру
И качаться в прозрачных играх,
Но погибли они к утру
На тяжелых и пыльных книгах.

А сегодня и мне невмочь,
Я не вынесу этой муки:
Паутиной связала ночь
Голубые, как тени, руки.

У меня не живут цветы.

ПЕСНЯ

Отсталая птица летела,
Последние силы храня...
Усталая птица

летела
На встречу весеннего дня.

— Летела,

— Летела,

— Летела!

Цвели золотые зарницы —
От них далека — далека,
Усталая темная птица
Брела в снеговых облаках.

Протяжная песня звенела...
Тоскуя о милых лесах —
Печальная птица летела
В печальных чужих небесах.

— Летела!

— Летела!

— Летела!..

Усталая птица летела.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Еще торжественней и проще
По вечерам стеклянной тьмы
Молчат оснеженные рощи —
Окаменевшие дымы.

А звезды, брошенные в дали,
Слетались женщинам в глаза,
Как звуки плачущих роялей
Из глубины концертных зал.

И недосказанно и нежно,
Как роспись древних потолков,
Скользят вечерние одежды
Из крыльев темных мотыльков.

Полны задумчивой дремотой,
Тревожат шорохом аллей
И обещанием чего — то,
Чего не знали на земле.

Хотя, как встарь, скрипучи двери
И жалят светлые огни...
Но кто им может не поверить,
Когда зовут и ждут они?

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ О СРУБЛЕННЫХ ДУБАХ

Дубы латунны, меднолаты —
Когда созреют фонари,
Они темны и бородаты,
Как ассирийские цари.

Они дуплисты, узкогорлы!
Громадней башен крепостных...
Их дупла — пушечные жерла,
Их сны — несбыточные сны.

Их песни — тихие «серены» —
В гитарах осени дрожат.
Спокойно спите, сюзерены! —
Поют ночные сторожа.

— Спокойно спите, сюзерены...

КОНЬ ВОРОНОЙ

Веют тучи крыльями орлана
Над взошедшей ночью трын — травой.
Стонет город матом Тамерлана
Над своей оливковой Невой.

Из хрустальных слез концертных залов
Золотой сонатой дребезжа,
Вороня лошадь пробежала,
Веки луж оранжево смежа.

Искрозвонка лошадь вороная,
Всадник пьян настоем из часов,
Копья рук в туманы окуная
Под тяжелой мерою весов.

И, как я, хмельной твоей любовью,
Обезумев в звездной синеве,
Истекает розовою кровью
На гранитных подступах к Неве.

* * *

Клубок домов и ком заката —
И в море вянущей зари
У электрического ската
На сером теле фонари.

Покой безрадостный и поздний
Сошел в ночные города:
— Да будет ночь! — И тлеют звезды.
— Да будет сон! — И ночь горда.

Осенний бред в садах предснежья:
Литавры — золото — листва...
Но жизни нет, и нет надежды,
Лишь тень горбатого моста.

Есть — Будет — Вечно — Вечно — Вечно —
Какие мертвые слова!
Искусство — храмы — звезды — свечи —
Ее глаза — Моря — Овал —

Обвал ликующих бессмыслиц
И — Прометей — железный стон —
Упав с отцовской колесницы
Вчера

Разбился
Фазтон.

БАЛЛАДА О ТОПОРАХ

Полночь грузно повисла на сук,
Легче шишки поспело «вчера»,
И слетел с размахнувшихся рук
Голубой лепесток топора.

Ветром, пахнувшим золотом смол
И до сна раскаленной сосной,
У меня из — под ног отнесло
Паутинку тропинки лесной.

Где — то рыжими стали костры,
Отцвели, походя на лису,
И стучали всю ночь топоры,
Отбивая секунды в лесу.

КОЛОКОЛЬНАЯ НОЧЬ

Так не крадутся вору —
Звонкий ступает конь!
В небо возносит город
Каменную ладонь.

Сдвинув сырые груди,
Крыши склонив ко сну:
Талая ночь, безлюдье.
В городе ждут весну.

Вывинтив мясорубкой
В небо — распятый фиг,
Висельник в медной юбке
Темный хранил язык.

Колокол медным платьем
Темное брюхо крыл,
Славу своих братьев —
В плеск голубиных крыл.

— Эй, рассыпайтесь, горы,
В гром колокольных бронь!
Так не крадутся вору —
Звонкий ступает конь.

ЛЮТНЯ И МЕЧ

В морозные латы закована ночь,
Луна, как далекий костер,
Над гулкими крышами звездам невмочь,
Но свет их предсмертный остер.

Уж лучше всю ночь бы стонала пурга,
Слепя заблудившийся взор,
Чтоб только не слышать, как воют рога,
Вещая полуночный сбор.

Над замком, восставшим из мрака до звезд,
Ночная заря горяча.
Оттуда за мною явившийся гость
С мерцающей сталью меча.

НОКТЮРН

Он придет, мой противник неведомый,
Взвоят яростный рог в тишине —
И швырнет, упоенный победами,
Он перчатку кровавую мне.

Тьма вздохнет пламенеющей бездною —
Сердце дрогнет в щемящей тоске —
Но приму я перчатку железную
И надену свой черный доспех.

На каком — то откосе мы встретимся.
В желтом сумраке знойных ночей
Разгорится под траурным месяцем
Обнаженное пламя мечей.

Разобьются щиты с тяжким грохотом,
Разлетятся осколки копья,
И безрадостным, каменным хохотом
Обозначится гибель моя.

* * *

Не желай мне звенящего света.
До призывов к недалекой войне
Я изысканным буду поэтом
В предрассветной твоей стороне.

Я тяжелые звонкие яды
Соберу для усталых ресниц,
Чтоб не видеть тоскующим взглядом
На закат улетающих птиц.

Не видать, как небесные раны
Истекают лимонной луной,
И не слышать, как плачут органы
До утра над тобой, надо мной...

Чуть остынут вечерние дали.
Окаймленные в траур дорог,
Как, нежней твоих рук под вуалью,
Серебристый послышится рог.

И в твоём утопающем свете,
Позабывший ночные пути,
Не смогу я ему не ответить,
Не смогу на призыв не прийти.

Ты цветы наклони надо мною,
Орошенные мертвым ключом,
Потому что, стремящийся к бою,
Я заранее пасть обречен.

АЛЬБА

В условный час певучим рогом
Я разбудил вдали зарю.
Счастливый друг, пора в дорогу,
Пора погаснуть фонарю.
Пора тебе расстаться с грезой,
Еще минуту подарю.

Померкла ночь, уходят звезды,
Прости, что песней сон прервет

Не к счастью, нет, не к битве грозной —
К тоске без милой рога зовет.

КИКА

Мой конь, узорной бронью скован,
Давно томится у ворот
И ждет, когда рожденный словом
Мой мир по слову оживет.

В ту ночь — она черней вороны —
Луна издаст тоскливый стон,
Как медный щит центуриона,
Когда в него ударит слон.

И лунный свет зеленой льдиной
Разбив о бронзу и чугуны,
На каталаунской равнине
Воскреснет к бою старый гунн.

* * *

Глаза ее звезды. Ночные цветы
Она затмевает собою.
Я пьян на заре от ее красоты,
Забыв опьянение боем.

Склоняюсь пред нею, но вечно готов
Отвергнуть без грусти и страха,
Умея любить, как не любит никто,
Как Гектор любил Андромаху.

Она для меня — небеса и земля,
В глазах ее звездные вьюги,
Лишь звонкие стрелы да руль корабля
Желаннее милой супруги.

Ее не смогу предпочесть и вино,
И только за верного друга
Отдам колесницу, коней и войну,
Трирему, вино и супругу.

* * *

Как желтый глаз огромной птицы,
Добычу видя впереди,
В поникших листьях, как в ресницах,
Луна сквозь дерево глядит.

Напрасно, ангел неумелый,
Стараться муки облегчить,
Когда, как огненные стрелы,
Пронзают лунные лучи.

Они за давнюю обиду
Несут заслуженную месть —
Сегодня хочет темный идол
Вернуть потерянную честь.

И ты стараешься напрасно
Меня на встречу не пустить:
Сразив меня в бою ужасном,
Быть может, он тебя простит.

ЛУННОЕ КАПРИЧЧИО

Отцветающим вечером сад оживал:
В чаши лилий луна пролилась.
В голубые брабантские кружева,
В золотую славянскую вязь

Превратясь, умирающая заря
Легионы оранжевых туч
Созвала, и они проходили, горя,
И звенел лунный щит, лунный меч, лунный луч.

«Смотри! — Как глаз огромной птицы,
Добычу видя впереди,
В поникших листьях, как в ресницах,
Луна сквозь дерево глядит.

Напрасно ангел.....
Стараться муки облегчить,
Когда, как огненные стрелы,
Пронзают лунные лучи.

Они за давнюю обиду
Несут заслуженную месть.
Сегодня хочет темный идол
Вернуть потерянную честь.

И ты стараешься напрасно,
Меня навстречу не пустить.
Сразив меня в бою ужасном,
Быть может, он тебя простит».

Так Гарольд говорил — разрывалась труба,
О, как плакало тело ее,
Но была Ярославна тиха и горда,
Ярославна тонка, как копье...

.....

НОКТЮРН

Небо закатное пусто,
Ветром тревожным звеня,
О, как томительно — грустен
Свет уходящего дня.

Ветви садов молчаливых
Никнут в лучах фонарей,
Шепчут, склоняясь тоскливо:
Ночь, приходи поскорей.

— Ночь, приходи поскорее,
Тихо сгустись надо мной,
Люди, и птицы, и звери
Грезят тобою давно.

Тенью от ласковых крыльев
Милой моей принеси
Синие звездные ливни,
Синие звездные сны.

Пусть для нее до рассвета
Плавают в лунном окне
Кружевом звездного света
Светлые сны обо мне.

ЕСЛИ НЕ ПРИШЛА НОЧЬ

Если ночь не приходит —
Вечерней не будет зари,
Испугали ее фонари,
Если ночь не приходит.

Беззакатно заплачет весна,
На столе, на окне у меня,
И не будет поющего сна,
И ни ночи не будет, ни дня.

Только белый, серебряный звон,
Как трамвайная песня легка...
И придет ископаемый слон,
Как мулатку, неся облака.

КАНОН

Как высоко вы, о звезды, горите!
Светом холодным.
Вечно о чем — то своим говорите,
Вечно свободны!

Нашим заботам и нашим печалям —
Нашей тревоге —
В недостижимые ясные дали
Нет и дороги.

В долгую ночь не дожидаться рассвета —
Что вам за горе!
Вас окружило серебряным светом
Вечное море...

Птицы разносят тревожные песни —
Весть непогоды.
Вам ли услышать? — Сияйте чудесно
Годы и годы!

КАНОН

Как высоко вы, о звезды, горите!
Светом холодным.
Вечно о чем — то своим говорите,
Вечно свободны!

Птицы разносят тревожные песни —
Весть непогоды.
Вам ли услышать? — Сияйте чудесно
Годы и годы!

В долгую ночь не дожидаться рассвета —
Что вам за горе!
Вас окружило серебряным светом
Вечное море...

Нашим заботам и нашим печалям —
Нашей тревоге —
В недостижимые ясные дали
Нету дороги.

Смотрим на вас мы, о звезды, без скуки,
С тайной надеждой,
Только от вас облегчение муки
Ждем, как и прежде.

* * *

Горбатый мост с повисшим проводом,
Как прежде, был в конце прогулки,
И так же небо дышит холодом,
И звезды льются в переулки.

Но никогда мне не забудется
Тревожный вечер в октябре —
Я знал: сегодня что — то сбудется!
Неясно — что, неважно — где...

Все было так же: тень от дерева,
Фонарь качался не спеша,
И листья, мокрые и серые,
С деревьев падали, шурша.

Я слушал город затихающий,
Смотрел в объятых темноты,
Как шли на лунные ристалища
По саду черные коты.

* * *

Мостика профиль горбатый,
Милая, тих, как всегда,
В красную дырку заката
Ветер вдевал провода.

Бедный, неласканный, старый,
Скоро устав на земле,
Кто — то качался кошмаром
Будто в трамвайной петле.

Словом, чуть — чуть синеватый
Вечер — обычный до слез —
Тихий, как серая вата,
Скучный, как запахи роз.

ВОКЗАЛ

За забором кончается город
В голубые разливы полей,
В непонятный, но ласковый говор,
В переплеты сосновых аллей.

Он на карте подвешен за рельсы
На такой же зеленый кружок.
Между ними раздолья на месяц,
И на шпалы насыпан песок.

Между ними в ночные трезвоны
Разбегаются тени в лесу,
И куда — то взлетают вагоны
День и ночь. Колесо к колесу.

Только жаль, что дорога недолга,
Что торопится вдаль паровоз.

Подождал бы! Притих ненадолго
Под зелеными гроздьями звезд.
А вдали уж щетинится город,
Пыльной пастью съедая вагон.
Путь закончен. Но хочется вскоре
Уезжая, прийти на перрон.

ШАГИ И ОКНА

В зеркале окон
Утром и вечером
Бьются и никнут
Шаги человечьи.

В льющейся с неба
Синь—высоте
Окна подобны
Дум чистоте.

Падают звезды
Вьюгою снежной
В стекла мороза
В росписи нежной.

Вечером поздним
В угол медвежий
Падают слезы —
Звездный подснежник.

Лунные свечи
Мечутся в окнах,
Шаг человеческий —
Россыпью — в окнах.

ОСЕНЬ

1

Ночь застывала на черных лужах,
Вбитая в небо гвоздем луны,
Сад облетевший как будто простужен —
Ветви в туман вметены.

Листья шуршат так странно, странно,
Холод томящийся в душу проник,
Тысячи слов, болящих, как рана,
Тщетно пытался промолвить язык.

Очень хотелось вспомнить что — то,
Или, быть может, все забыть.
В лунном саду — золотая дремота —
Листья устали звенеть и жить.

2

Вы? Наконец — то! — Только поздно,
Вам не увидеть серую тень,
Вам сквозь меня просветят звезды
Молча, неярко, ведь скоро день.

ЛУНА ЗА ОКНОМ

Лик луны за окном —
Печали
И навязчивых дум — двойник —
Полукруг серебряной стали
До столетий продленный миг.

Голубые набросив тени
На бульжники,
Дремлет дом,
А на звонких ветвях растений —
Лик луны за моим окном.

* * *

Я видел сон!
Я сном забылся,
Но жилой в горле петуха —
В сетях дождя рассвет
забился,
Сдирая тучные меха.

О, голубая туша неба
И окровавленная сталь!
Не утра зов — но жажда хлеба
Сухим огнем взорвала
даль.

* * *

Пальто, забрызганное ночью,
Тяжелый мокрый воротник...
Лиловой тучей оторочен,
Рассвет за окнами поник.

Одно лицо простудным жаром
Горит, когда потухло все,
Когда на улице кошмары
Ревут, как бешеный осел.

Когда темно, как блеск стекольный,
Одна мечта всегда светла:
— Идти к Никольской колокольне
И молча бить в колокола —

Пускай в ушах дыра сквозная,
И каждый дом насквозь пробит:
За что? — За все!
Зачем? — Не знаю!
Но только бить, и бить, и бить!

* * *

Вечно вдвоем.
Только вдвоем.
И не забыть никогда
В сердце моем, —
В сердце моем, —
Колокол изо льда!
Нет!
А пора —
Звон топора —
Острый, как алый крик.
В колокола

Бей до утра,
— Выбей из них язык!

Мел колоколен
Бел, как скала,—
Рвись из пустых глазниц!
В желто — зеленые колокола,
Призраки медных птиц.

* * *

1

От крыла зари
Вырастала тень,
На пути гася фонари.
— Здравствуй, ясный день!
Что приносишь мне?
С чем пришел сюда?
Говори!

2

— Здравствуй, ясный день,
И исполни сны —
Наступил голубой апрель:
Яркий, ветренный
Первый день весны,
Бубенцами встряхни капель!

3

Здравствуй, день! — Приди океанами
Отражаться в моем окне,
Дай мне спутника
Долгожданного,
С сердцем огненным, как во мне.

4

От крыла зари
Улетела тень,
На пути гася фонари.

— Здравствуй, ясный день!
Что приносишь мне?
С чем пришел сюда?
Говори!

* * *

Под утро под ночными крышами,
На слезы стынувших берез
Звонко метнулся недослышанный
И два огня, светлее звезд.

По Колокольной, по Литейному,
До неизвестного кольца, —
До парка, скрытого метелями,
Звенели рельсы без конца.

На остановке дом заляпанный,
На плащ слезится водосток,
А в нем, от глаз прохожих спрятанный,
Блестящей молнии клинок.

Я не ошибся. Эту бороду
И эту шпагу знает мир...
Идет по замершему городу
В туманных сумерках Шекспир.

1953

МЕНЕСТРЕЛЬ

Торжественный пламень, угасший в крови —
Бесславно и тщетно пролитой,
Напомнит ли время великой любви.
Минувшие славные битвы,

Когда, торжествуя над злобой врага,
Над башнями флаги пестрели, —
О славе победы гремели рога,
О славе любви — менестрели?

Но здесь — где зовут избавителем смерть,
И счета не ведают бедам,
Какую любовь я осмелюсь воспеть?
Какую прославить победу?

Победу ли темных и низменных стад
Внезапно нагрянувших замов,
Любовь ли Иуды к добыче креста,
Вандала — к развалинам храмов?

О, горе певцу, пережившему честь,
И вечно тоскующей лире
Звенеть, призывая высокую мечь
Во славу грядущих кумиров.

ПАПУТА

*О, засмейтесь, смехачи!
Велимир Хлебников*

В бесшумном мраке библиотек
Темнеют ветхие листы,
Они запретны, как наркотик,
Как ядовитые цветы.

В них жизнь. Но жизнь совсем другая.
И кисть смела, и ярок тон,
Там в были сказка огневая,
А в сказке — жизнь, и в жизни — сон.

Но это так. Оттуда эхо
Не донесет веселый гам.
Земля, отвыкшая от смеха,
По небу едет по делам.

УВЕРТЮРА

Пульсирующий фон смычковых,
Как рябь предутренних озер,
И дирижер — змеей очковой
Застыл в тени — гипнотизер.

Еще в плетеные корзины
Укрыта радуга наград,
И Альмавива у Розины
В гостях — подвыпивший солдат.

Но встал тубист, как ящер Юры,
Как медный слон, оцепенев —
И листья ветхой партитуры
И дам напудрил юрский мел.

«И — так — и — надо!
Так — и — надо!» —
В скрипичной судороге — месь:
Фосфоресцирующим гадам
Чертить —

Мэне,
Текел!
Фарес!!

ГЕЗ

(Тиль Уленшпигель)

В луженых глотках застывало
Голубоватым серебром
Колбас расплавленное сало,
Как ломоть стали под ребром.

Пивная медь дымилась в кружках,
Дымясь, горела на столах;
Была нужда — гремела в пушках,
Была нужда — в колоколах.

БОЕВАЯ ПЕСНЯ ТИЛЯ И ЛАММЕ ГУДЗАКА

Тиль: Утро встает над морем,
Бездна проглотит горе,
Буря сменяет штиль,
Я ее вестник — Тиль!

Тиль и Ламме: Звените, бокалы,
Бейся о скалы
Море, врагам на погибель.
Фландрских бокалов
Выпьет немало
Доблестный Тиль Уленшпигель!

Тиль: Живо вперед,
Весел и горд,
Смело, как черт, бросайся —
Судно идет
Бортом о борт.
Близится смерть — покайся!

Оба: Буря прогнала штиль,
Вестник свободы — Тиль!

Тиль: Эй! Веселее, Ламме!
Видишь? Пожара пламя
Залито морем слез.
В бой веселее, Гез!

Тиль и Ламме: Время звенеть бокалами,
Море хрустнет кораллами —
Всюду испанцам гибель —
— Ламме!
— Тиль!
— Ламме!
— Тиль!
— Ламме!

Оба: Тиль Уленшпигель!

Тиль: Гаснет пожаров пламя,
Голову выше, Ламме.
В мире довольно слез!
В бой веселее, Гез.

* * *

Свежесть ветра не напомним губы,
Звездочки — глаза...
— Пойте, пойте, водостоки — трубы,
Крыша — стрекоза.

Мчитесь, мысли! — Я, не зная лени,
Вспоминаю разные слова —
Прихотливо, как рога оленьи,
Мыслями ветвится голова.

Я сегодня сбрасываю путы.
Я — король! В моей лепешке — боб.
... Чей — то локон бронзовой волютой
Падает на лоб.

Духота в моем старинном хлеве,
Кто — то белый стонет за стеной,
До утра — бобовой королеве
Спать одной.

Пусть ей ветер поцелует губы,
Высушит глаза —
Пойте, пойте, водостоки — трубы,
Крыша — стрекоза!

ЗАМЕРЗШИЕ КОРАБЛИ

Вечер красные льет небеса
В ледяную зелень стекла.
Облетевшие паруса
Серебром метель замела.

И не звезды южных морей,
И не южного моря синь:
В золотых когтях якорей
Синева ледяных трясин.

Облетевшие мачты — сад,
Зимний ветер клонит ко сну,
А во сне цветут паруса —
Корабли встречают весну.

И синее небес моря,
А глаза — синее морей,
И, краснея, горит заря
В золотых когтях якорей.

1954

ПРОГУЛКИ ПО МУЗЕЮ

1. Амфора

Былое люблю как музейную вазу —
Канон произвола и нормы,
Но клей отнимает аттический разум,
А глина — античные формы.

2. Эфес шпаги

Модной фантазией линий
Вяжущий буйный металл,
— О, Бенвенуто Челлини,
Кто бы тебя не узнал!

3. Иконы

Чудотворные пальцы икон
В кипарисовом масле тоски
Лихорадило.
Был камертон
Окончанием каждой руки.

4. Скарабей

Серебристая скоропись трещин
Повторяет классический сон:
— Колеснице, послушной, как женщина,
Вверил тело свое фараон.

А. ГРИН

Поздним вечером, лишь тени поползли,
Поднимается зеленая луна —
Даль луною очарованной земли
Снами странными становится полна.

— Поздним вечером на улицах пустых
Я туманы заколдованные пью,
По течению серебряному их
Городами поднимается Гель — Гью.

Лунный колокол бросает лепестки —
Расцветают незнакомые цветы, —
И канал, подняв узорные мостки,
Звонко песней незнакомой красоты.

Каждый вечер, чуть зажгутся фонари,
Я ищу тебя, летящую вдали,
Над волнами умирающей зари,
Над полями очарованной земли.

* * *

И радость, и боль — эфемерны!
Но в полночь чернее агатов
Я снова с друзьями в таверне,
В таверне «Встреча фрегатов».

Глаза не знакомы с биноклем,
Улыбки — черствее ковриги,
И стонут разбитые стекла,
Скрипят деревянные бриги.

О прошлом никто не жалеет:
Минувшее дело — не дело!
Лишь поднятый — парус белеет,
Лишь в море — легка каравелла!

Соперница милой — дорога
По морю, веселому морю,
Над черным гнездом осьминога
Навстречу желанному горю.

И синее небес моря,
А глаза — синее морей,
И, краснея, горит заря
В золотых когтях якорей.

1954

ПРОГУЛКИ ПО МУЗЕЮ

1. Амфора

Былое люблю как музейную вазу —
Канон произвола и нормы,
Но клей отнимает аттический разум,
А глина — античные формы.

2. Эфес шпаги

Модной фантазией линий
Вяжущий буйный металл,
— О, Бенвенуто Челлини,
Кто бы тебя не узнал!

3. Иконы

Чудотворные пальцы икон
В кипарисовом масле тоски
Лихорадило.
Был камертон
Окончанием каждой руки.

4. Скарабей

Серебристая скоропись трещин
Повторяет классический сон:
— Колеснице, послушной, как женщина,
Вверил тело свое фараон.

А. ГРИН

Поздним вечером, лишь тени поползли,
Поднимается зеленая луна —
Даль луною очарованной земли
Снами странными становится полна.

— Жэ Поздним вечером на улицах пустых
Я туманы заколдованные пью,
По течению серебряному их
Городами поднимается Гель — Гью.

Лунный колокол бросает лепестки —
Расцветают незнакомые цветы, —
И канал, подняв узорные мостки,
Звонко песней незнакомой красоты.

Каждый вечер, чуть зажгутся фонари,
Я ищу тебя, летящую вдали,
Над волнами умирающей зари,
Над полями очарованной земли.

2.01.53 * * *
И радость, и боль — эфемерны!
Но в полночь чернее агатов
Я снова с друзьями в таверне,
В таверне «Встреча фрегатов».

Глаза не знакомы с биноклем,
Улыбки — черствее ковриги,
И стонут разбитые стекла,
Скрипят деревянные бриги.

189 О прошлом никто не жалеет:
Минувшее дело — не дело!
Лишь поднятый — парус белеет,
Лишь в море — легка каравелла!

188 Соперница милой — дорога
По морю, веселому морю,
Над черным гнездом осьминога
Навстречу желанному горю.

О — эй! Позабудь о тревоге!
О — эй! сожаленья не к месту!
Невеста мешает в дороге —
Матрос покидает невесту.

Пусть плачут разбитые стекла —
Забиты счастливые миги,
— В глазах, незнакомых с биноклем —
Улыбки, черствее ковриги.

О. РОДЕН. РОМЕО И ЮЛИЯ

(мрамор)

Зовущий вдаль уходит без ответа,
Напрасно ночь дрожит от пеняя труб,
И мраморным Ромео и Джульетте
Не разомкнуть целующихся губ.

И реют сны, как пестрые стрекозы,
Над юношей, изведавшим любовь,
И девочкой, нежнее белой розы,
Упавшей в пламенеющую кровь.

Джульетта спит — и грезится Ромео,
Как будто все, чем жизнь еще горда,
Ему дано, а утро, пламенея,
Не для него приходит в города.

Но в тишину сиреневого сада
Ворвался шум надежды и тревог,
И он, тоскуя, смотрит сквозь ограду
На пыльные скрещения дорог...

Как просит грудь горячей ласки ветра!
Как рвутся руки к веслам корабля!
Его зовет соперница Джульетты —
Светающая юная земля:

— Ромео — встань! Вдали порозовело,
Давно заждались верные друзья,
Испытанной, крылатой каравеллой
Для девочки пожертвовать нельзя!

СЕРЕНАДА ФАУСТА

Что же ты спишь, Маргарита?
Слышно — слетаются сны,
Окна надежно закрыты
Листьями лунной весны.

Ласковой дремой одетый,
Грезит синеющий сад,
Там, на склонившихся ветках,
Странные птицы сидят.

Лишь приподнимешь ресницы
В зареве нового дня —
Умные быстрые птицы
Тотчас уносят меня.

Но не прервать до рассвета
Твой зачарованный сон.
И не дожидаться ответа...
Петь...
Только петь под окном.

2.01.53

ПЕСНЯ ЛАДЫ

— Ладо, Ладо, Дидо, Ладо,
Бог вечерниц полнолунных,
О, единая отрада
Волхвований вечно юных!

Меж закатными богами,
Вечно — утренний, рассветный,
Грянь призывными рогами
В сумрак ночи беззаветной.

В сумрак ночи, в бездну ночи,
Выйду я пустынным плесом,
Для очей твоих полночных,
Распустив по ветру косы.

Прилети знакомой птицей,
 Мне иных богов не надо.
 Для тебя сомкну ресницы,
 — Ладо, Ладо, Дидо, Ладо...

15.04.54

ДОННА АННА

Молот сердца. Пляшет сарабанду?
 Золотая капнула свеча.
 Где ты, гранд? Вставай навстречу гранду,
 На поклон поклоном отвечай.

Неучтивым серым истуканом
 У порога ждущему слуге
 Прикажи наполнить вновь стаканы.
 Близок гость, пускай шандал чеканный
 Не дрожит в испытанной руке.

— Донна Анна?
 В ночь погасли взоры,
 Мне сияй, моею будь звездой!
 — Отыщи убийцу командора!
 — Донна Анна, я перед тобой!
 — Покажи ее непобедимой,
 Обещай мне, свято обещай.
 Ты клянешься?
 Да?
 Огнем и дымом?

— Да.
 Клянусь.
 Люблю тебя.
 Прощай!

БЕЗУМИЕ ЛИРА

(романс)

— Вой ветер!
 Вой голодным псом,
 Твой плач мою умерит боль,
 Пляшите, тучи, под кустом,
 Где свой приют нашел король.

Смелее, ливень! Грудь пронзи,
Что медлишь, град? Ты так же бел,
Как седина моя! — рази,
Когда король обезумел!

— Не умолкай, небесный гром!
Я здесь король! Я так хочу,
Коль череп мой — забытый дом —
Скажу «спасибо» палачу!

— Прочь, змеи, прочь... Я вам отец?!
Ехидны вы, а он вампир!
Он шут, разбивший свой венец,
А я — могучий, грозный Лир!

— Вой, вихрь, хлещи меня в лицо,
Смелее! Все стерплю, изволь...
Эй, стража! Я вас, подлецов,
Здесь бьют меня, а я — король!

28.09.54

К «ЛЕТУЧЕМУ ГОЛЛАНДЦУ»

Гаснет заря... И за милею миля
Птицы кричат над могилой фрегата,
Крепом ложатся на белые крылья
Красные тени из бездны заката.

Ночью в глуши океанских туманов
Трубы рокочут на льдистых уступах,
Мертвых сзывают в поход капитанов
Черного золота литые трубы.

<ДОН-КИХОТ>

Во всех кабаках Арагона
Гитанам, танцующим хоту,
Милей забубенного дона
Отважное имя Кихота.

И звонкие слезы Дуэро,
Припомнив бродягу, синели,
Твердя, что лихой кабальеро
Был верен одной Дульсинее.

Поют по полям Калатравы
Рога королевской охоты.
Сам герцог завидует славе
Блестящего дона Кихота.

Забывтый, но преданный Панса
В овраге пасет Росинанта,
У доньи в улыбке алмазы,
У доньи глаза — бриллианты.

И ранят влюбленного дона
Ресницы, как острые стрелы,
А в них — небеса Арагона
У доньи Марии — Эстреллы.

А ночью влюбленную донью
Приводит гадать у фонтана
Под брызги серебряных звонов
Горбатая, злая гитана.

Старуха твердит: кабальеро
Влюблен в королеву Тобосо.
А донья гадалке не верит,
Но дарит жемчужные слезы.

И плачет... А возле фонтана
Ползет по ступенькам гитана
И сыплет слезинки брильянтов
Костлявой рукою в карманы.

ДОН-КИХОТ

Помнится, в детстве, когда играли
В рыцарей, верных всегда одной,
Были мечты о святом Граале,
С честным врагом — благородный бой.

В юности верили в счастье народа,
В старых и новых героев его,
Думали: тот, кто теряет свободу,
Больше не может терять ничего.

Что же случилось? — То же небо,
Так же над нами звезд не счесть,
Так почему же огрызок хлеба
Стоит дороже, чем наша честь?

Может быть, рыцари в битве пали
Или сошли от любви с ума,
Держат детей под святым Граалем
В теплых и серых своих домах?

Нет! не поверю, что детской пудрой
Нам навсегда занесло глаза —
Тысячи копий осветят утро,
Медной кольчугой судьбу связав.

Тысячи — псами по свежему следу,
В клочья — шкуру седых ночей —
Слышишь? Кто — то зовет победу
Трубной песней стальных мечей.

ДОН-КИХОТ

(Из письма Арефьеву)

Помнится, в детстве, когда играли
В рыцарей, верных всегда одной,
Были мечты о святом Граале,
С честным врагом — благородный бой.

В юности верили в счастье народа,
В старых и новых героев его,
Думали: тот, кто теряет свободу,
Больше не может терять ничего.

Что же случилось? — То же небо,
Так же над нами звезд не счесть,
Так почему же огрызок хлеба
Стоит дороже, чем наша честь?

Может быть, рыцари в битве пали
Или, быть может, сошли с ума —
Кружка им стала святым Граалем,
Стягом — нищенская сума?

Нет! не о хлебе едином — мудрость.
Нет! Не для счета монет — глаза.
Тысячи копий осветят утро,
Тайная светит в ночи гроза.

Мы возвратимся из дальней дали,,
Стремя в стремя и бронь с броней.
Помнишь, как в детстве, когда играли
В рыцарей, верных всегда одной.

* * *

*Зорю бьют... из рук моих
Ветхий Данте выпадает,
На устах начатый стих
Непрочитанный затих —
Дух галече улетает...*

1

Нельзя векам обратно течь,
Как мне — нельзя слагать терцины,
Из рук поэта выпал меч —
То гвельфы били гибеллинов.

Мне римских цифр прозрачный ряд,—
Лишь накрест сложенные спички,
Они лишь слабо повторяют
Всю бесконечность Беатриче.

2

Лежит Венеция в цветах,
На верфи — дантовская барка,
Студенту пыль и духота
Библиотек святого Марка.
Мост поцелуев, вздохов мост —
Пускай изгнаннику все ново —

Лететь душа, хоть на помост,
Уж во Флоренцию готова.

3

В любви удачлив капуцин,
Поэт — страданием отличен —
Тебе, о Боже, грешный сын
Вручает счастье Беатриче.

3.08.58

* * *

Наступит ночь, черней вороны,
Луна издаст тоскливый стон,
Как медный щит центуриона,
Когда в него ударит слон, —
То, значит, снова ожил Дарий,
Достойный мести супостат.
И я с восторгом жду — триарий —
Когда в бою падет гасгат.

ПРИЗЫВ

Давно поникшие знамена
Опять шумят на площадях:
Зовут солдат центурионы
И громко спорят о вождах.

Бранясь на улицах вечерних,
Трубя неистовый поход,
Толпу неверующей черни
Зовет веселый Дон — Кихот.

Его сирвента так крылата,
Так грозен всадника карьер,
Как кондотьер Гатамелата
И Коллеони — кондотьер.

Как будто в мир из книжной стари
Пришел достойный супостат.

И я с восторгом жду, триарий,
Когда в бою падет гаснат.

СИРВЕНТА

Стань, о солнце, рубиновой геммой,
Поскорее покинь небеса!
Мы для битвы нарядим триремы
В золотые, как ночь, паруса...

Пусть погибнет, кто с вызовом послан,
Кровь его — да падет на убийц!
Эйя! — Гнутся послушные весла,
Как тела молодых танцовщиц.

О! трепещут упругие луки!
Стрелы чуткие рвутся в зенит, —
Так дрожат у избранницы руки,
Рвется голос — от счастья, звенит!

Эйя! дружно усилия множьте,
Сладкий миг не приблизить нельзя,
Глядя смерти в глаза, не тревожьтесь:
Отомстят или лягут друзья!

Гаснет запад рубиновой геммой, —
В море крови легли небеса!
О! — не зря разодемы триремы
В золотые, как смерть, паруса!

ПЕСНЯ ЛЕГИОНЕРОВ

Тихо мурлычет
Луны самовар,
Ночь дымоходами стонет:
— Вар, возврати мне их!
— Вар, а Вар?
— Вар, отдай легионы!
— Нас приласкают вороны,
Выпьют глаза из голов! —
Молча поют легионы
Тихие песни без слов.

Коршуны мчат опахала,
И, соглашаясь прилечь,
Падают верные галлы,
Молкнет латинская речь.

Грузные спят консуляры.
Здесь триумфатора нет!
— Вар!
Не откликнуться Вару —
Кончился список побед.

Тихо мурлычет
Луны самовар,
Ночь дымоходами стонет:
— Вар, возврати мне их!
— Вар, а Вар?
— Вар, отдай легионы!

КАТИЛИНА

1

Я полон злорадного чувства,
Читая под пылью, как мел,
Тисненою медью «Саллюстий» —
Металл угрожающих стрел.

2

О литеры древних чеканов,
Чьих линий чуждается ржа!
Размеренный шаг ветеранов
И яростный гром мятежа...

3

Я пьян, как солдат на постое,
Травой, именуемой «трын»,
И проклят швейцаром — пустое!
Швейцары не знают латынь.

4

Закатом окованный алым,—
Как в медь — возвращаюсь домой,
Музейное масло каналов
Чертя золотой головой.

5

А в сквере дорожка из глины
И кошки, проходим под стая,—
Приветствуя бунт Катилины,
Я сам собрался восстать.

6

Когда на пустой «Канонерке»
Был кем-то окликнут: «Роальд!»
— Привет вам, прохожий Берзеркер!
— Привет вам, неистовый Скальд!

7

Сырую перчатку, как вымя,
Он выдоил в уличный стык.
Мы видно знакомы, но имя
Не все промолвит язык.

8

Туман наворачивал лисы
На лунный жирок фонарей...
— Вы все еще пишете висы
С уверенной силой зверей?

9

— Пишу (заскрипев, как телега
Я плюнул на мокрый асфальт)
А он мне: «Подальше от снега,
Подальше, неистовый Скальд!»

10

Здесь в ночи из ветра и крема
Мучителен свет фонаря.
На верфях готовы триремы —
Летим в золотые моря!

11

Пускай их (зловещие гномы!)
Свой Новый творят Вавилон...
(Как странно и страшно знакомы
Обломки старинных колонн!)

12

Затихли никчемные речи.
(Кто знает источник причин!)
Мы бросили взоры навстречу
Огням неподвижных пучин.

13

Закат перестал кровоточить
На темный гранит и чугун.
В протяжном молчании ночи
Незыблемость лунных лагун.

14

А звезды, что остро и больно
Горят над горбами мостов —
Удят до утра колокольни
На удочки медных крестов.

15

Я предан изысканной пытке
Бессмысленный чувствовать страх,
Подобно тоскующей скрипке
В чужих неумелых руках.

16

А где — то труба заиграла:
Стоит на ветру легион —
Друзья опускают забрала
В развернутой славе знамен.

17

Теряя последние силы,
На встречу туманного дня...
— Восстаньте, деревья,
на вилы
Блестящее небо подняв!

18

На тихой пустой «Канонерке»
Останусь, хромой зубоскал:
— Прощайте, прохожий Берзеркер!
— Прощайте, неистовый Скальд!

* * *

Тяжкой поступью входят трибуны
Легионов, закованных в медь.
На щиты, как осенние луны,
Издалека приходят глядеть.

Впереди — ветераны: легаты,
Консулаты заморских полков.
Еле зыблются темные латы
Над сверкающим вихрем подков.

И смятенно следят иностранцы,
Как среди равнодушных солдат
Молча шел Сципион Африканский,
Окруженный друзьями, в Сенат.

* * *

Во дворцовом пыльном коридоре
Я нашел прелестный гобелен:
Римский флот, плывущий через море
В розовато — серый Карфаген.

И с тех пор нахмуренные лица
Раз увидев, вижу каждый день.
О, глаза у воинов! — бойницы,
Где ночная опочила тень.

Но один из них, наверно, консул,
И, быть может, даже Сципион,
Дал плеснуть в глаза волне и солнцу,
А другой не дал — центурион.

Трубный рев поплыл над Карфагеном —
Мамонтов выводит Гасдрубал.
А народ, собравшийся на стены,
Переругивался и зевал.

Кто наверх смолу лениво вносит,
Кто бранит плывущий легион...
В этот миг лазутчики доносят,
Что в Сенате победил Катон.

СЛОНЫ ИДУТ

В секущих ливнях —
Предсмертный холод,
Тучи — слоны! Стога!
На черных бивнях —
Фанфарный хобот,
Как медный пест, нога.

— Что трусость и отвага,
И возгласы «пора»?
Идут слоны — от шага
Трясутся города.

В ознобе бьются волны,
Как горе, солонны.

Терпенья чаши — полны!
Идут СЛОНЫ!

АЛЬБА

Нет прекраснее песни ветров!
А поэтам — желанней награды,
Чем жемчужная сеть островов
И коринфские кудри Эллады —

Нет на свете губительней яда,
Чем слова увидавших во сне
Обреченную вечной весне
Золотую, как факел, Элладу!

ПРОЩАНИЕ ГЕКТОРА

Ты для меня дорога,
Но не могу не уйти —
Дальние плачут рога,
Манят ночные пути.

Ярче тоскующих губ
Рано восток заалел,
Бьются на радость врагу
Крылья моих каравелл.

Плачь, если можешь, о, плачь!
Слезы осушит заря...
Рано грозишься, палач!
Море когтят якоря.

Выпали кровью дожди,
Нет, не гляди за окно,
В долгие ночи не жди.
Нам победить не дано.

Воеет томительный рог.
К бою готовы друзья.
Нету окольных дорог —
Жить побежденным нельзя!

Свет долгожданного дня
Вижу! Восторг не избыть.
Женщина, прочь от меня!
Раб не умеет любить.

В память бывшего дарю
Стадо, служанок и дом...
Прочь от меня, говорю,
Мы никогда не придем!

РАМЗЕС II

Огнедышащий ветер свивается...
О, как медленно вянут часы!
Над Мемфисом маяк разгорается
В полнолунии Нильской весны.

В дымном небе багровые трещины,
Только стих колокольный звон.
Колеснице, послушной, как женщина,
Вверил тело свое фараон.

На квадриге, украшенной розами,
Повелитель крылатых коней
Ароматными пьяными грезами
Одурманен на западе дней.

И приснилось Рамзесу влюбленному,
Что она бесконечна, как Нил,
Но встают миражи раскаленные
И печален ручной крокодил.

И язык меднозвонкий, ликующий,
К колокольной гортани прилип —
Ведь сегодня у сфинксов тоскующих
Появился бродяга Эдип.

В ЭРМИТАЖЕ

Когда в серебряных лучах коричневеют крыши,
Я рад тому, чему никто другой не рад,
Что мной изведена тоска о никогда не бывшем,
И вечно — зелен звездный виноград,

Что я тебе был посвящен художником безвестным,
И нам не вырваться из сказок никогда,
Где за цепями островков прелестных
Звонят у эллинов косматых города...

А в коридоре мягкий свет и гобелены...
Гомер, воскресший для меня, мне говорит:
Но гибнет Троя из — за прелестей Елены,
Но в преферанс обыгран кем — то Приамид.

* * *

Когда — то в утренней земле
Была Эллада...
Не надо умерших будить,
Грустить не надо.

Проходит вечер, ночь пройдет —
Придут туманы,
Любая рана заживет,
Любые раны.

Зачем о будущем жалеть,
Бранить минувших?
Быть может, просто лучше петь,
Быть может, лучше?

О яркой ветреной заре
На белом свете,
Где цепи тихих фонарей
Качает ветер.

А в желтых листьях тополей
Живет отрада:
Была Эллада на земле,
Была Эллада...

* * *

(из детских снов)

Лампа погасла в смертельной зевоте
Лучик нырнул в темноту:
С камня на камень, с камня — в ворота,
Окнам смеясь на лету.

С камня на камень, с камня на камень,
Пятый этаж... огонек...
Серенький мальчик, ночью, без мамы,
В жарком бреду изнемог.

Люди заснули в доме громадном,
Тикать устали часы.
Кухонный кот подбирается, жадный,
Лижет большие усы.

Мягкие лапы, светится пламень
В злых и блудливых глазах...
С камня на камень, с камня на камень,
Стукнули зубы в усах.

С камня на камень, с камня на камень,
Крошку никто не спасет,
Бедная мама, глупая мама
Ночью ушла на завод.

Съем, как мышонка, съем, как лягушку,
Мальчику в ухо сказал.
С камня на камень — прыг на подушку —
Тоненький лучик упал.

С камня на камень — ну — ка попробуй!
Скрипнула форточка: «Кр — р — рак!»
— Прочь поскорей, подобру — поздорову,
С камня на камень — дурак!

Лучик сердитый, лучик веселый,
Лучику надо гулять.
С камня на камень, с камня на камень,
С камня на камень опять.

ДОМ ГАРШИНА

С камня на камень, с камня на камень
 Крылья ночных фонарей...
 Тихи и чутки, злобны и жутки
 Темные пасти дверей...

Холод ступенек, пыль на перилах,
 Стенка, решетка, пролет...
 Смерть расплескала ночные чернила,
 В пропасть тихонько зовет...

Здесь он стоял, в бледной улыбке,
 Серой тоской изнемог —
 Огненно алый, злобный и гибкий
 Проклятый Богом цветок.

.....
 Красные листья перед рассветом
 Дворники смыли со стен.
 Спите спокойно, в смерти поэта
 Нет никаких перемен.

Спи, не тревожась, сволочь людская —
 Потный и сладенький ад!
 Всякий — философ, томно лаская
 Нежный и розовый зад...

С камня на камень, с камня на камень,
 Стенка, решетка, пролет...
 С камня на камень, с камня на камень
 Ночь потихоньку плывет.

19.02.53

СТАРЫЙ ГВОЗДЬ ПОД ОКНОМ

Торчит и молчит!
 Торчит и молчит.
 И вежлив в изящном поклоне.
 Он туп и нелеп.
 Он несколько лет
 Над синим квадратом оконным.
 Я зол.

За назойливый вид горбуна
Давно затаил я злость!
Не видеть ему голубого окна!
Но был закадычен и прост.

Он только глубже свернется в поклон,
Как хобот сворачивал слон, —
Вонзившись в засохшие кирпичи,
Он, шляпку откинув, молчит.

Торчит и молчит,
Торчит и молчит!
И я привыкаю к нему.

Я вижу его каждый день у окна.
И нас обдувают ветра.
Краснеют, сереют утра
И шепчут: пора! (А вчера
К надежной спине горбуна
Я привязал веревку).

14 мая 1953

ТИХАЯ ПЕСНЯ

Замолчали птицы,
Значит, время спать.
Сон сомкнет ресницы,
Сядет на кровать.

Ветер спит летучий,
Тихо из — за туч
Сонно и певуче
Смотрит звездный луч.

Лунный зайчик тоже
Спит и видит сны,
Ходят осторожно
Только лишь часы.

Без конца и края,
В свой далекий путь,
Пусть себе шагают,
Им нельзя уснуть.

Сон руками машет,
Сон других зовет,—
Все, что он покажет,—
Утром оживет.

2.05.54

* * *

На смерть Е. Гайль

Девочка читала мемуары,
На руки головку положив.
Маленькое сердце замирало,
Сдавленное тяжестью чужих

Огненных страстей и преступлений,
Кровью, обогравшей алтари,
Перед ней рождались поколенья,
Воздвигались боги и цари.

Вздрагивали худенькие плечи,
Слезы набегали на глаза,
А в окне синел весенний вечер,
Грохотала первая гроза.

Загорались звездные гирлянды,
И цветной гравюрой мнился сад... —
Девочка листала фолианты
В пыльной коже, в дырах, без заплат.

Маленькая, глупая, больная,
Верила в поэзию, в талант,
Плакала над Гамлетом, роняя
Толстый и тяжелый фолиант.

Вся была зажженной кем — то свечкой.
Вся чужими жизнями жила...
Может быть, от этого под вечер
Незаметно, тихо умерла.

ИЗ «РИТМОВ»

Золотого ежика — колючку
Из стеклянной клетки на дворе
В тонкие соломенные ручки
Звезды целовали на дворе.

Вечером из облачных ромашек
Солнце в море падало остыть —
Ежик оцетинивался, страшный...
Маленький... Боялся темноты!

За стеклом серебряной скворешни,
Как большой мышонок без хвоста,
Он дрожал, пугаясь ветров вешних
В клейких изумрудинках куста.

Протянув шуршащие соломки,
Желтый ежик плакал допоздна.
Рано утром лучики — обломки
Целовала девочка — звезда.

3.04.55

* * *

Сегодня ярким золотом
Вся комната полна,
Как будто в ней расколоты
И солнце, и луна.

Как солнечные мячики
По всем ее углам
Толпу веселых зайчиков
Бросают зеркала.

Везде блестят лучистые,
Светлы и горячи,
Глаза, как небо, чистые,
И ушки — как лучи.

Летят в глаза иголками,
Сверкают под ногой,

Но только солнце — в облако,
Как нет ни одного.

ЛУННЫЕ ЗАЙЦЫ

Зеленым горячечным чадом
Вливалась в палату луна.

И мальчика, спящего рядом
Прозрачно змеившимся ядом
Неслышно одела она.

И в желтом бреду задыхаясь,
Я видел сквозь рваные сны,
Как лунные зайцы спускались
К подушке моей со стены.

В их длинные, теплые уши
Я спрятать лицо свое рад;
Они мне шептали: «Послушай,
Кругом золотой звездопад...»

Они говорили: «Мой мальчик,
Тебя унесем мы с собой
В блестящие звездные вьюги,
В волнующий лунный прибой.

Тебя мы возьмем на рассвете
Туда, где в лиловой заре
Хвостатые бродят кометы
Меж звезд в голубом серебре.

Там синие всполохи ярче
Играют звенящим лучом.
Летим же скорее, мой мальчик,
Не надо жалеть ни о чем».

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Сестре Ленке

Стих давно трамвайный говор,
Ходят, бродят сны,
Ночь одела спящий город
В ласковую синь.

Осторожно улыбаясь,
Прыгнул на карниз
Хитрый — хитрый лунный заяц,
Сел и смотрит вниз.

Открывать окно не надо,
Надо крепко спать —
Зайка сам придет из сада
Что — то рассказать.

Золотистых — золотистых,
В капельках росы,
Принесет холодных листьев,
Чудный сон приснит.

БОЕТ СОБАКА

— Что с тобою,
Что с тобой?
Ты не спишь.
Сон тревожит голубой
Ветер с крыш.

Отчего же, отчего
Плачешь, пес? —
В лунных окнах — ничего,
Кроме звезд.

Пес полночный,
Пес дрожит
Под рукой.
А из глаз тоска бежит
За тоской.

— Ночью льется в водоем
Дождь из звезд.
Так давай же выть вдвоем,
Скучный пес!

* * *

Долго — долго мучили котенка,
Наконец решили удавить.
Мертвого, послушного ребенка
Утащила киска хоронить.

На заре у кошкиного лаза
Собралась пушистая братва:
Шкурники,
Мокрятники,
Пролазы —
Знатная готовится жратва!

Лысый кот — сиятельный эрцгерцог —
Запросто,
По — дружески,
На «ты» —
Говорил: «Я ваш душой и сердцем!
Господа пушистые коты!
Поднимите павшие знамена!
Смерть собакам!
Горе поварам!
Римляне! Солдаты! Легионы!
Наступил Великий ТАРАРАМ!»

* * *

На панели у ворот —
Мокрый снег,
На панели у ворот
Человек —
В подворотне был убит человек.
Умирает звездный луч
На снегу.
— Поживи! — ему кричу.
— Не могу, —

Отвечает звездный луч: — Не могу.
— Голубой я, — говорит, —
Голубой,
Сестры синие горят над тобой.
Мне не сделаться острей,
Не сгореть,
Мне бы к звездочке — сестре
Улететь.
Тоньше, тоньше тонкий луч
На снегу.
— Подожди! — ему кричу.
— Не могу,
Отвечает тонкий луч: — Не могу.

ПЛЯСКА ТЕНЕЙ

Пляшут ночью лунною
Посреди дороги
Тихие и умные
Тени — недотроги.

Все слова тревожные
Залиты вином.
Тени осторожные
Никнут под окном.

Плачущей березою,
Звонкою сосной,
Осенью ли звездною,
Ранней ли весной —

Пеленой повитое
Плясок — кружевов,
Все давно забытое
Оживает вновь.

Тихие и умные
Тени — недотроги
Пляшут ночью лунною
Посреди дороги.

* * *

Вечер, вечер,
 В пятнах света
 Берег неба — океана,
 У тебя, лиловый вечер,
 Шапка белого тумана.

У тебя, мой вечер поздний,
 Осторожные шаги,
 У тебя глаза,
 Как звезды,
 Брови — радуги — дуги.

Вечер, вечер,
 В пятнах света,
 В шапке белого тумана,
 Не твое ль дыханье — ветер
 Голубого океана?

МОРЕ (Кохтла-Ярве)

Посмотри: в предрассветную бурю
 Море розовый пляшет балет.
 И откуда у осени хмурой
 Этот ветренный яркий рассвет.

Пусть танцуют и пенятся волны.
 Все равно неподвижна земля.
 Лишь в пути веселей пароходам,
 Рулевым не заснуть до утра.

8.1952

ТЕБЕ И СЕБЕ (Гороскоп)

Р. Гудзенко

Гороскоп составляется просто:
 Отрывают от неба кусок
 И играют созвездьями в кости,
 Так что искры летят в потолок.

Гороскоп составляется просто:
Даже если средь белого дня,
Есть звезда у любого прохвоста,
И должна, значит, быть у тебя.

Я составил тебе гороскоп
И от радости еле не плачу:
Оказалось, что ты не умрешь,
А поедешь куда — то на дачу.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ В «ОТРАДНОМ»

1

Помнится, темные сосны шумели...
В желтом дыму снеговых облаков
Вились искристые кольца метелей,
Синие ливни снегов...

Ночью за стенкой рыдали собаки,
Снились им видно, любимые сны,
Снились веселые, пестрые драки
В теплом раздолье собачьей весны.

Им подвывать приходила старуха,
Добрая, грязная баба — яга,
В ватной ушанке с разорванным ухом,
Богу зачем — то шептала о внуках,
Теплые, грязные слезы
Вкусно роняя в снега.

В книжку вернулся сбежавший бесенок,
Долго возился в страницах, шуршал,
Ныл, как больной разозленный ребенок,
Кашлял всю ночь, а под утро — пропал...

Днем под окошком повесили суку.
Длинная, бледная сука — тоска
Долго моталась... и серая скука
Слюнной веревкой текла с языка.

* * *

Вечер, вечер,
В пятнах света
Берег неба — океана,
У тебя, лиловый вечер,
Шапка белого тумана.

У тебя, мой вечер поздний,
Осторожные шаги,
У тебя глаза,
Как звезды,
Брови — радуги — дуги.

Вечер, вечер,
В пятнах света,
В шапке белого тумана,
Не твое ль дыханье — ветер
Голубого океана?

МОРЕ (Кохтла-Ярве)

Посмотри: в предрассветную бурю
Море розовый пляшет балет.
И откуда у осени хмурой
Этот ветренный яркий рассвет.

Пусть танцуют и пенятся волны.
Все равно неподвижна земля.
Лишь в пути веселей пароходам,
Рулевым не заснуть до утра.

8.1952

ТЕБЕ И СЕБЕ (Гороскоп)

Р. Гудзенко

Гороскоп составляется просто:
Отрывают от неба кусок
И играют созвездьями в кости,
Так что искры летят в потолок.

Гороскоп составляется просто:
Даже если средь белого дня,
Есть звезда у любого прохвоста,
И должна, значит, быть у тебя.

Я составил тебе гороскоп
И от радости еле не плачу:
Оказалось, что ты не умрешь,
А поедешь куда — то на дачу.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ В «ОТРАДНОМ»

1

Помнится, темные сосны шумели...
В желтом дыму снеговых облаков
Вились искристые кольца метелей,
Синие ливни снегов...

Ночью за стенкой рыдали собаки,
Снились им видно, любимые сны,
Снились веселые, пестрые драки
В теплом раздолье собачьей весны.

Им подвывать приходила старуха,
Добрая, грязная баба — яга,
В ватной ушанке с разорванным ухом,
Богу зачем — то шептала о внуках,
Теплые, грязные слезы
Вкусно роняя в снега.

В книжку вернулся сбежавший бесенок,
Долго возился в страницах, шуршал,
Ныл, как больной разозленный ребенок,
Кашлял всю ночь, а под утро — пропал...

Днем под окошком повесили суку.
Длинная, бледная сука — тоска
Долго моталась... и серая скука
Слюнной веревкой текла с языка.

2

Там, откуда взглянул закат,
Словно красный ангорский глаз,
Где по крышам шли облака —
Тихо пепельный вечер гас...

А когда посинели снега, —
Ветер песню ночи запел,
И луну потушила пурга —
От тоски лесовик заревел.

И в слезах зазвенела сосна,
До земли наклоняя стан —
Это значит: близка весна,
Значит — по лесу бродит Пан.

.....
В сиплой замерзшей свирели
Песни, как ночи, глухи,
Ночи совсем одурели,
В снах завывали метели,
Буками в лунных осколках
Старые снились стихи.

БРЕД

«Где — то темно и глубоко...»
Неба стирался клочок.
Ветер принес издалика
Песни весенней намек.
«... Плакали зимние бури...»
Сны закружились до дури,
Нет ни весны, ни намека...
Завтра... Всегда... Господа!
«Господа! Если к правде святой...»
О какой — то звезде золотой
Говорят, а не видно ни зги,
Тонет все в океане пурги.
Хоть бы тепло! Немножечко света,
Чтобы руки увидеть свои.
Видно, мне не дожидаться рассвета...
«Золотое, как небо? ЛИ?»

К ночи похолодало —
 Больно секла пурга.
 Бабушка обростала
 В чудные жемчуга.
 С долгим протяжным стоном,
 С мелким дрожанием плеч
 В медных когтях грифона
 <Ныне> стараясь лечь.
 В мокрой древесной гнили,
 Как прошлогодний лист...

* * *

Затихает... Устало чудовище!..
 И бессвязно бормочет во сне
 О своем потаенном сокровище —
 О великой Мещанской весне.

Наступил, с перегнившим дыханием,
 Вислогубый и потненький час,
 В конвульсивном ночном содрогании
 Мерно булькает выпитый квас...

Все в порядке...
 Постойте! А девочка?
 (покачулся сомкнувшийся мост)
 Затрещал телефон (и с издевочкой:)
 — Утонул человек. Это пост?

.....

Трупик стыл на камнях серебристых,
 Далеко — далеко от людей,
 Детский профиль, холодный и чистый,
 Всплески ветра на невской воде.

Заметался по улицам, лужам,
 Безъязыкий до ужаса крик,
 Запуская в притихшую душу
 Тепловатый паучий язык...

И не вздрогнуло небо холодное,
 Лишь бесшумно сомкнулась вода...

Моя милая деточка... Гордая...
Кто обидел тебя навсегда?

Может быть, ты увидать сумела
То, что скрыто улыбкой друзей,
То, чему нет на свете предела,
То — чего нет на свете грязней?

Или в сказке концертного зала,
Одиноко застыв среди тех,
Сквозь торжественный грохот хора
Ты услышала пошленький смех?

НОЧИ

(поэма)

Приход Весны сон ли это

1

Под утро снега посерели,
Метели набухли водой,
И первая нота капли
Ударилась в лед голубой.

Сквозь сон мне все время казалось,
Что день слишком рано настал...
Досадная, глупая шалость —
Я очень устал.

2 («Все-таки Весна»).

Нет! я проснулся от боя часов,
Встал, закурил — и рад.
Дня еще нет, время для снов,
Сонный тупеет взгляд.

3

А все — таки радость! Мышонком в груди
Бьется. Так. Без причин.

Весело.
Ночь еще вся впереди,
А карандаш — один.

4

В такую минуту обидно
Видеть пустой листок,
Хоть букв в темноте не видно,
И где — то ворчит водосток.

Где — то звонок запоздалый
Просится в чью — то дверь,
Часов до рассвета мало,
И много больших потерь.

Если пройтись по снегу,
В серебряный выйти сад,
Взглянуть на черное небо —
Не скоро придешь назад.

А времени мало — мало,
А надо еще успеть
Пройти по дорожкам талым,
Под крыши домов посмотреть.

Пойдешь по глухим переулкам, —
Не скоро придешь назад, —
По камню то глухо, то гулко
Чьи — то шаги застучат —

Ну как не обшарить взглядом,
Как не взглянуть им вслед?
Куда? Далеко или рядом... —
И ждут ли кого или нет?

А времени мало — мало,
И надо еще успеть
Подумать о домике старом
И запертый двор осмотреть...

Уж скоро пойдут трамваи,
А дома пустой листок!

Но дворник так чудно зевает,
Так странен красивый мосток.

Уж если ушел до света,
Не скоро придешь домой,
Никто не наскучит советом,
Никто не пойдет за тобой!

Залезь на чужую крышу,
Понюхай вдали весну,
Послушай, смешно как дышит
Труба, отдаваясь сну.

Схвати на прощанье воздух,
Вздохни отсыревшей тьмой,
Но слишком не надо мерзнуть —
Забьется в груди, — домой!

5

Дома тепло и привычно, —
Сразу — каскады строф,
Сразу — все, как обычно,
Пламенем высушенных дров.

Схватят созвучия, ритмы,
Тут голова — хоть трещи,
Слушай, лови, пиши...

В двери, в окошки, в уши —
Гроном красивых начал...
Этого тот не слушал,
Кто хоть однажды скучал.

Ближе к рассвету — строже,
Медленней, резче, скупей
Страстной и нервной дрожью
Охватит стих — чародей...

А сам буду пьян до рассвета,
Скорее спешу поймать
Далекие всплески ветра —
Заснул, уронив тетрадь.

6

Проснулся под вечер, не зная,
Сколько же я проспал,
Прочел... лениво зевая,
Думал: «Кто написал?»

— Верно, друзья приходили,
Да пожалели будить,
Ждали, ехидно курили,
Решив эпиграммой сразить.

Вон понаписано сколько!
Да этим меня не проймешь...
Брошу листки на помойку,
Словно поломанный грош...

Но было и по — другому —
От радости сам не свой,
Соседям набьешь оскому
Рифмованной чепухой.

А после утихнет радость, —
Читаю всю ночь друзьям,
Но злюсь на любую шалость —
— Красиво — я вижу сам.

20 — 21.1.53

ОСТРОВ ЧЕЛЕКЕН

Когда закат не очень красен,
Волна не слишком высока:
На отмель старые баркасы
Идут отлеживать бока.

И видно с отмели соседней
Как в глубь, пугаясь и дрожа,
Летят серебряные сельди,
Блестя, как лезвие ножа.

Фонарь наклонишь — вспыхнет ярко
Стеклом бутылочным волна,

На горе любопытным ракам,
Которыми она полна.

Но не они своей кончиной
Прославят этот островок,
Что брошен, как пирог с начинкой,
На перекрестке двух дорог.

И хоть его сухая корка
Давно успела очерстветь —
Под каждым камнем и пригорком
Звенит металл и бьется нефть.

* * *

Облепив стеклянную веранду,
Вечерами смотрят со стены
Скорпионы желтого Коканда
С изразцами синей Ферганы.

Я собрал их, странствуя с отрядом
Из людей, верблюдов и ослов,
Вот они, напитанные ядом
Непонятных азиатских слов.

Помню: зной. Мираж вдали дымится.
— Неужели в мире есть вода?
Мерный шаг верблюдов экспедиции
Заведен, как будто на года.

Не струной. Уже веревкой — нервы.
Жаркий луч копьём летит в висок.
Пахнут жестью теплые консервы.
Теплой шерстью — солнце и песок.

Все желто — пустыня и верблюды,
И ослы, уставшие реветь...
... Месяц желтые от солнца люди
Желтую разыскивали медь.

И нашли. А позже (выйдя к морю)
Жгли костры на белом берегу,

На холмах окаменевшей соли
Отдыхая, будто на снегу.

1.11.54

* * *

Ночь окончила половину,
И опять похожа луна
На голубого дельфина
И голый лоб валуна.

Уже лиловели листья,
Как листья библиотек —
И город был аметистом
В оправе из серых рек.

Был дом дурацкой окраски,
Я спал у него внутри
И видел детскую сказку
Об алом цветке зари,

Что море звезду качало,
И след ее был — другой,
Что где — то струна звучала,
И лук ее был тугой,

Что лопнул в жару зарницы
Весь мир, как листок слюды,
И трещины в милых лицах
Прозрачных и голубых,

Что где — то бьет половину,
А в окнах моих луна
Летит голубым дельфином
На голый лоб валуна.

14.10.54

* * *

Клубок домов и ком заката —
На фоне бронзовой зари,
У электрического ската
На сером теле — фонари.

В дома, замученные астмой,
Домой, сквозь холод мертвеца,
Галантной мышью Рихард Васми
Крадется с черного крыльца.

Мои разбитые надежды —
Его упругие мяса;
Закат — покойные одежды —
Его ночные небеса.

Его чернильные кристаллы
Денатурируют весну.
Спешి встречать ее, усталый,
Не надо сна! Не верьте сну!

ЭПИТАФИИ

Прохожий! Иди и возвести:

1

На все, что может статься там
Плюет покойный Мандельштам.

2

Я, Шварц, художник и философ,
Лежу (увы!) с натертым носом,
Затем, что тайна мирозданий
Суть — фиг неясных очертаний.

3

Арефьев — тоже не свинья.
О путник! Здесь закопан Я!

СВ. ГЕОРГИЙ А. АРЕФЬЕВА

(не в службу, а в гружбу)

Святой Георгий не принес победы...
 Кто возмутит дремоту этажей? —
 Ведь нет существ безвредней людоедов,
 Раз людоед не ест папье — маше.

Святой твердит резиновой принцессе:
 — Не хнычьте, милочка, кой дьявол
страшен вам?

Дракон не янки, и безынтересен
 Ему двадцатилетний чуингам.

И клялся змей усамы Магомета,
 Готов сбежать за тридевять земель,
 Что спер с ума бездельник Тинторетто
 И льстит девицам бабник Рафаэль.

* * *

Я продам перо для шляпки —
 Для чего земле поэты?
 Есть для дам цветные тряпки,
 А для прочих есть газеты.

Хорошо в кругу домашних
 В мягком кресле после чая
 Просмотреть листок вчерашний,
 Головой слегка качая.

А стихи... Одна забота —
 Вечно выучить придется,
 Нынче мода на того — то,
 Завтра следующий найдется.

Ох! Уж эти стихоплеты!
 Вечно рыщут в поднебесьи,
 Тарахтят, как самолеты,
 Ты же слушай — и хоть тресни!

ИСПАНСКИЙ РОМАНС

Ах, зачем ты всем знакомым
Клялся кистью колонковой,
И палитрою своей
Никогда не ведать женщин —
Вечно старую обновой
Их всегда именовать.
Неужели ты не знаешь,
Что за клятвопреступленья
Неизбежно и сурово
Олимпийцы отомстят
И нарушившего слово
Проклянут они, как мавра,
Тот же час абракадаброй
Все полотна обратят.

Ты подвластен глупой бабе,
И забыл, что быть рабою
Ей пристало — не тебе.
Чем она тебя пленила?
Золотою кожей бедер —
Или ласкою, которой
Так исполнен бабий взгляд?
Берегись! Уже похожи
На округлость милых ножек,
Стали кисти так же мягки,
Как ее телячий взгляд!

Дон Арефьец, дон Арефьец,
О, не дай себя обабить,
Поскорей покинув бабу,
На кладбище поспеши,
Там, очистив душу смаком
И свечу Христу поставив,
Закажи большую мессу
О спасении души.

ИЗГНАНИЕ ЕЛЕНЫ

Горе мне — суровым роком
Я наказан беспримерно!
Больше нет со мной Патрокла,
В дружбе равного бессмертным.

О, судьба настигла злая —
Все друзья — его лишь тени.
Ты ль, рабыня Менелая
Мне товарища заменишь?

Нет! Пускай Атрид надменный
Назовет тебя супругой,
Что глаза твои, Елена,
Если нет со мною друга!

Перед кем красой твоею
И любовью мне гордиться?
Нет его! Ступай к ахеям,
Скройся с глаз моих, девица!

ДРУЗЬЯМ

Когда умирает писатель,
То в небе его фолианты
Несут (трепещи, мой приятель!)
На суд знаменитого Данте.

Он — главный поверенный бога
В судьбе литераторов наших —
Сидит на небесном пороге
И списками грешников машет.

Про все наперед уже зная,
(Ответчики здесь для проформы),
Апостольский суд соблюдает
Латинскую милую форму.

— А что говорят нам законы?
Виновный да будет наказан!
И в ад, невзирая на стоны,
Повержен всевышним приказом,

Который теперь переделан,
Согласно мечте Алигьери —
Карая и душу, и тело,
Попробуй в чертей не поверить!

Рогатый в почете и силе
С усмешкой, не чуждой печали,
Погрешности формы и стиля
Пониже спины отмечает.

Окончив прелюдию, мигом
Поджарит на собственном сале
Без дров, но (не смейтесь!) на книгах,
Которые вы написали.

А после достойной расправы
Жаркое поставит в потемки,
Блистательных предков забавить,
На страх неразумным потомкам.

ЭПИГРАММА

Камень, брошенный в пруд,
Только круги оставит,
Завтра и их не найдут —
Ветер вздохнет кустами...

Так не оставит следа
Где — то прошедший кто — то,
И золотая орда,
И «золотая рота».

2.10.54

ЭПИЛОГ

Тяжелое эхо
Глотало потоки прозрачного смеха,
И снова надолго все смолкло потом,
И ночь наступила,
Не слышал никто,
Как пел и смеялся
В безрадостной мгле
Последний, быть может,
Поэт на земле.